14-го Іюля № 28. 1883.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.
Безъ доставки
на годъ. . . . 7 р. 50 к.
на 9 мѣсяц. . 5 р. 75 к.
на 6 мѣсяц. . 4 р. — к.
Отдѣльн. нумера по 20 к.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ. . . . 8 р. —
на 9 мѣсяц. . 6 р. —
на 6 мѣсяц. . 5 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . . . 14 руб.

Статьи и требованія адресуются въ ред. СПБ. Поварской пер. д. 5, кв. 11.

ПОДПИСКА
принимается въ Конторѣ—СПБ., Надеждинская, д. 19, кв. 32 а также въ книж. маг. „Вольфа, Нев., Гостин. дв. № 18. Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Макушина. Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ Редакціи газеты «Сибирь» Въ Омскѣ—въ книжн. магазинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Амурская газета и амурскія дѣла.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Петровска, Иркутска, Енисейска, Томскаго округа, Барнаула, Тюмени, Забайкалья и Балаганска.—Въ горахъ Дарваза-Каратегина (на Верховьи Аму-Дарьи). *Г. Арендаренко.*—Очерки Верхоянскаго округа. *Л.*—Вѣянія желѣзно-дорожнаго дѣла на Уралѣ.—Хроника жизни за недѣлю.—Открытіе древностей въ Минусинскомъ округѣ.—Объявленія.

рд

АМУРСКАЯ ГАЗЕТА И АМУРСКІЯ ДѢЛА.

„17 апрѣля, въ первый день Пасхи, нашъ далекій Владивостокъ получилъ красное яичко—первый нумеръ давно жданной газеты „Владивостокъ", пишутъ намъ съ Амура. Извѣстіе это сопровождается письмомъ о судьбѣ печати на Амурѣ, которое мы считаемъ назидательнымъ привести здѣсь.

„Передъ нами нумеръ, доказывающій, что изданіе газеты перешло изъ области предположеній въ дѣйствительное событіе. Теперь вопросъ только въ томъ, будетъ ли это событіе имѣть серьезное значеніе для края, и въ какой мѣрѣ новый органъ провинціальной прессы съумѣетъ быть выразителемъ мѣстныхъ интересовъ и потребностей, проводникомъ правды, въ провинціальной глуши чаще чѣмъ гдѣ-либо страдающей отъ произвола и нуждающейся въ поддержкѣ печатнаго слова. Изъ многочисленныхъ примѣровъ по изданію провинціальныхъ газетъ не только въ Сибири, но и въ городахъ Европейской Россіи, мы знаемъ, какъ нелегко вести газету, если редакція захочетъ стать внѣ мѣстныхъ вліяній и заявитъ самостоятельность въ оцѣнкѣ явленій мѣстной жизни и распорядковъ. Большей части провинціальныхъ редакцій представляется, на первыхъ же порахъ, роковая дилемма: или, живя съ волками—выть по волчьи и... благоденствовать, или же, защищая принципы справедливости, законности, общественной пользы—впасть въ опалу и терпѣть всякія невзгоды, включительно до личныхъ преслѣдованій и мелкихъ прижимокъ, обращаемыхъ на голову руководителей газетнаго дѣла. И если нелегко редакціямъ провинціальныхъ газетъ, руководимыхъ людьми подготовленными къ этой дѣятельности образованіемъ и опытностію, и исключительно посвятившими себя публицистикѣ, поставить свое изданіе такъ, чтобы сдѣлать его дѣйствительно-полезнымъ членомъ общей литературной семьи, то тѣмъ труднѣе это для редактора-чиновника, во всемъ зависящаго отъ службы и чающаго отъ нея движенія воды. Такому издателю-редактору нужно много, много гражданскаго мужества, такта и опытности, чтобы съ первыхъ же моментовъ существованія газеты не сдѣлать ее кровной родственницей общеизвѣстнаго типа газетъ „Чего изволите?" Обыкновенно же въ жизни и, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что чиновничьи изданія представляютъ лишь варіаціи на извѣстную тему куплетовъ „ваша рѣчь есть истина святая, я ничего умнѣе не слыхалъ". О серьезномъ значеніи такой газеты не можетъ быть и рѣчи. Листы ея, съ перваго момента появленія въ свѣтъ, составляютъ уже никуда негодную макулатуру.

„Вотъ какія мысли приходятъ въ голову, когда еще только замышляется изданіе, или уже появляется въ свѣтъ первый нумеръ провинціальной газеты. То же думалось и людямъ, искренно желающимъ, ради пользы нашему отдаленному краю, газеты настолько серьезной, настолько независимой, чтобы слово ея вносило свѣтлую струю въ нашу обыденную жизнь и тѣмъ приносило бы дѣйствительную пользу краю, а не было лишь упражненіемъ на вышеупомянутую тему.

„Что такое будетъ еженедѣльная газета „Владивостокъ", я не имѣю еще достаточнаго основанія сказать теперь рѣшительное слово, и еще менѣе имѣю основаній отнести все сказанное о чиновничьихъ изданіяхъ извѣстнаго пошиба къ новой газетѣ; хотѣлось бы только, чтобы предпосланное разсужденіе принято было новою редакціею, какъ искреннее, дружеское предостереженіе на скользскомъ пути публицистики, на которомъ упасть не долго, а подняться такъ трудно. Невозможно судить о характерѣ періодическаго изданія по одному первому и, такъ сказать, пробному нумеру, содержаніе котораго, къ тому же, очевидно, спѣшно собрано, безъ надлежащаго выбора и оцѣнки. Долженъ, впрочемъ, замѣтить, что большинство свѣдѣній, помѣщенныхъ въ первомъ нумерѣ, имѣетъ мало интереса даже для одного Владивостока, не говоря уже обо всемъ При-Амурскомъ краѣ, а тѣмъ болѣе объ остальной Россіи. Приказы по мѣстнымъ морскимъ учрежденіямъ, касающіеся двухъ трехъ личностей, которымъ они были извѣстны еще ранѣе выхода газеты, телеграммы сѣвернаго телеграфнаго агентства, полученныя здѣсь, напечатанныя и разосланныя подписчикамъ на нихъ также до выхода нумера газеты,

свѣдѣнія о судахъ, стоящихъ на рейдѣ или неначавшихъ компанію, извѣстія о судахъ добровольнаго флота, вышедшихъ изъ Одессы (о чемъ давно было извѣстно въ Владивостокѣ изъ телеграммъ того же сѣвернаго телеграфнаго агентства),—всѣ эти свѣдѣнія можно считать положительно никому ненужными, по несвоевременности ихъ сообщенія, или по слишкомъ узкому значенію фактовъ; а такими свѣдѣніями наполнено болѣе половины нумера. Если редакція смотритъ на свою газету, какъ на органъ не одного города Владивостока, а всего При-Амурскаго края, то ей слѣдовало бы подумать, можетъ ли имѣть хоть какой нибудь интересъ, напримѣръ для читателя газеты въ Хабаровкѣ, Благовѣщенскѣ и Николаевскѣ, извѣстіе о томъ, что въ пріемной коммиссіи владивостокскаго порта прибавилось два новыхъ члена, или что какой-то несчастный пароходикъ „Суйфулъ“ еще не началъ компаніи, то-есть извѣстія, которыя всему Владивостоку хорошо извѣстны и безъ газеты, а для иногороднаго читателя имѣютъ ровно такое же значеніе, какъ, къ примѣру сказать, бюллетень о состояніи здоровья моего кота. Раздѣленіе свѣдѣній по отдѣламъ газеты представляетъ нѣкоторую путаницу; такъ, въ отдѣлѣ городской хроники помѣщены свѣдѣнія о судахъ добровольнаго флота, вышедшихъ изъ Одессы и о плаваніи одного изъ нихъ—парохода „Россія“, доставившаго переселенцевъ для Южно-Уссурійскаго края, что ни въ какомъ случаѣ къ городскимъ событіямъ не относится. Между тѣмъ, сообщая все это, газета ни слова не промолвила о томъ, были-ли переселенцы, по прибытіи въ городъ, тщательно осмотрѣны въ санитарномъ отношеніи, что необходимо было въ виду того, что еще въ пути между ними обнаружены многократные случаи инфекціонныхъ болѣзней, и мы, обитатели города, не знаемъ теперь и не увѣрены, нѣтъ ли для насъ серьезной опасности въ томъ, что толпы переселенцевъ свободно бродятъ по городу, заходятъ во всѣ дома, прося, ради праздника, крайней бѣдности и скудости казенныхъ выдачъ, помочь имъ тѣмъ, „чого вамъ Богъ пославъ, а вы щобъ намъ обищали“, какъ выражаются бѣдныя бабы-хохлушки, ходящія по городу съ грудными ребятами. Промолчала газета и о томъ, справедливы ли толки, ходящіе въ городѣ, что будто бы, по нераспорядительности переселенческой администраціи, на первыхъ же порахъ переселенцамъ пришлось почувствовать уже недостатокъ въ топливѣ и даже въ хлѣбѣ, а соли они и совсѣмъ не получаютъ, такъ какъ этого продукта, видите-ли, не полагается по штату; разносятся по городу слухи, что лишь благодаря помощи посторонняго вѣдомства, переселенцамъ не пришлось еще испытать настоящаго голода: муку дали займообразно, хлѣбъ выпекаетъ мѣстный флотскій экипажъ; говорятъ, кромѣ того, что будто бы и заготовка для переселенцевъ орудій сельскаго хозяйства не рекомендуетъ опытность въ этомъ дѣлѣ администраціи. Всѣ эти толки, быть можетъ, нѣсколько и преувеличиваютъ то, что есть на самомъ дѣлѣ, но оставлять ихъ безъ всякаго освѣщенія правдивымъ словомъ, подкрѣпленнымъ фактами, мѣстному органу не слѣдовало, въ виду громадной важности для нашего края, чтобы движеніе переселенія шло съ должнымъ успѣхомъ и обезпечило нашъ край чисто-русскимъ земледѣльческимъ классомъ населенія, способнымъ удовлетворить продовольственныя потребности края, до сихъ поръ, за небольшими исключеніями, питающагося хлѣбомъ, доставляемымъ моремъ изъ Кронштадта. Правдивое печатное слово можетъ много посодѣйствовать этому успѣху, подмѣтивши и указавши промахи, или неумѣлое отношеніе руководителей дѣла къ своимъ обязанностямъ; слѣдить же за ходомъ переселенія мѣстной газетѣ еще болѣе необходимо потому, что прежніе опыты переселенія въ нашъ край,—подъ руководствомъ петербургскихъ кабинетныхъ дѣятелей—людей въ дѣйствительности прекрасныхъ, честныхъ, образованныхъ и знакомыхъ даже съ краемъ по литературнымъ источникамъ (довольно, впрочемъ, скуднымъ по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ), — имѣли очень печальный исходъ, и переселенные крестьяне много лѣтъ бились, какъ рыба объ ледъ, съ навязанными имъ мѣстами поселенія, пока сами не познакомились съ новою мѣстностью и, получивъ разрѣшеніе властей, не устроились вновь уже по своему и большей частью на новыхъ мѣстахъ, причемъ въ этой борьбѣ потратили безплодно массу энергіи и труда. Слѣдовало бы сказать газетѣ и о помѣщеніи, приготовленномъ для переселенцевъ въ нашемъ городѣ. Для нихъ построено 13 тесовыхъ бараковъ и два досчатыхъ же склада для посѣвнаго зерна и земледѣльческихъ орудій; постройки эти стоили казнѣ до 80 тысячъ рублей и должны служить въ теченіе всего періода, въ который будетъ продолжаться переселеніе, т.-е. въ продолженіи 10 лѣтъ. Уже и теперь, выстроенныя зданія едва-ли могутъ защитить людей отъ мѣстныхъ непогодъ; въ теченіе же болѣе года эти тесовые бараки превратятся въ рѣшето, вслѣдствіе особеннаго свойства здѣшняго лѣсного матеріала и чрезвычайно рѣзкихъ перемѣнъ климата, то крайне сухого зимою и осенью, то сырого и туманнаго лѣтомъ, отчего доски быстро даютъ сквозныя щели, расходятся въ пазахъ, и зданіе дѣлается совершенно непригоднымъ для жилья. Не лучше ли было, построить плетеныя изъ прутьевъ зданія, обмазанныя глиной и сверху выштукатуренныя, на подобіе того, какъ строятъ свои фанзы мѣстные жители-китайцы—отличные знатоки условій здѣшняго края. Китайскія жилища этого рода служатъ десятки лѣтъ; постройка же такихъ зданій для переселенцевъ и ежегодный ремонтъ не потребовали бы и половины денегъ, затраченныхъ на тесовые бараки, а люди имѣли бы здоровое сухое помѣщеніе для временнаго отдыха послѣ утомительнаго морского переѣзда въ непривычной для нихъ тропической жарѣ и передъ предстоящей имъ въ перспективѣ трудной борьбой съ разными лишеніями на самомъ мѣстѣ поселенія, гдѣ они все должны создать для себя вновь—и избу для жилья, и пашню-кормилицу, и весь домашній обиходъ. О сносномъ помѣщеніи для отдыха крестьянъ передъ такимъ великимъ трудомъ слѣдовало бы больше всего позаботиться администраціи, которая еще за пять мѣсяцевъ до прибытія первой партіи переселенцевъ прибыла въ Владивостокъ, а слѣдовательно имѣла время хорошенько подумать объ этомъ и приготовиться *). Не думаю, чтобы обо всемъ сказанномъ не было извѣстно редакціи газеты „Владивостокъ“, но склоняюсь къ мысли, что все это упущено изъ вида только потому, что руководители газеты не успѣли еще, такъ сказать, осмотрѣться, ориентироваться въ своемъ новомъ положеніи.

*) Въ числѣ разныхъ извѣстій съ Амура, другой корреспондентъ сообщаетъ намъ о какой-то темной исторіи закупки скота и затѣмъ падежѣ его, почему требуются новыя суммы. Любопытно-бы изслѣдовать, не было-ли здѣсь нѣчто похожее на закупку сѣна во время крымской войны. *Ред.*

„Внѣшній видъ газеты не такъ дуренъ, какъ можно было ожидать при отсутствіи въ Владивостокѣ людей, знакомыхъ съ типографскимъ дѣломъ, и сколько нибудь способныхъ наборщиковъ. Въ этомъ отношеніи желательно, главнымъ образомъ, чтобы редакція позаботилась о болѣе тщательной корректурѣ, такъ какъ въ газетѣ есть много пропущенныхъ ошибокъ, да, кромѣ того, не мало и погрѣшностей противъ правописанія, согласованія и управленія словъ; не хочу думать, чтобы это происходило отъ незнанія редакціей основныхъ правилъ русской граматики. Наконецъ, долженъ сказать, что отдѣлъ корреспонденцій изъ разныхъ мѣстностей При-Амурскаго края, что должно составлять въ содержаніи газеты главное ея богатство, блещетъ полнымъ отсутствіемъ; но это объясняетъ редакція непредвиденною задержкою выхода въ свѣтъ газеты, вслѣдствіе чего и доставленіе корреспонденцій пріостановилось; иногородные сотрудники только теперь вновь приглашены къ участію въ ней.

„Но не будемъ слишкомъ строги къ юной газетѣ, неуспѣвшей еще проявить, если можно такъ выразиться, своей нравственной физіономіи, и будемъ надѣяться, что столбцы ея, какъ обѣщаетъ сама редакція, будутъ открыты для правдиваго слова, ведущаго ко благу края. Прибавимъ отъ себя, что столбцы органа общественной мысли непремѣнно и должны быть открыты только для такого правдиваго слова, и что умолчаніе о нѣкоторыхъ явленіяхъ общественной жизни—иногда равносильно наглой лжи, съ цѣлію подслужиться. Пожелаемъ же газетѣ, безъ ущерба истины, съ успѣхомъ обходить всѣ подводные камни и опасные рифы, такъ часто попадающіеся на жизненномъ пути провинціальныхъ газетъ. Владивостокъ, 19 апрѣля“.

Изъ этого письма ясно рисуется, какія требованія ставятся новому органу печати на Амурѣ. Съ своей стороны, мы должны отмѣтить, во-первыхъ, тотъ фактъ, что потребность печати все болѣе ростетъ на нашемъ Востокѣ,—это уже четвертый частный органъ въ Сибири, не считая двухъ повременныхъ изданій въ видѣ Ученыхъ Записокъ отдѣловъ Географическаго Общества. Припомнимъ, что еще недавно, лѣтъ 15 назадъ, здѣсь не было ни одного органа, если не считать временныхъ попытокъ изданія „Амура“ и „Сибирскаго Вѣстника“, скоро окончившихъ свое существованіе. Потребность изданій указываетъ, если не на увеличивающійся запросъ на печатное слово среди мѣстнаго общества (запросъ этотъ все-таки еще весьма слабъ), то, по крайней мѣрѣ, на дифференцированіе и усложненіе мѣстныхъ нуждъ и вопросовъ, возникающихъ въ жизни края. Конечно, такой огромный раіонъ, какъ Сибирь, въ правѣ имѣть нѣсколько органовъ печати. Иное дѣло—ихъ содержаніе и возможность осуществлять предпринимаемыя задачи. Важно не только создать органъ, но удовлетворить имъ требованія, которыя намѣтила уже общественная жизнь. Этой дилеммы и касается представитель мѣстнаго общественнаго мнѣнія въ письмѣ къ намъ. Изъ него обнаруживается ясно, что въ мѣстныхъ вопросахъ на Амурѣ недостатка нѣтъ, потребность гласности тамъ чувствуется болѣе, чѣмъ гдѣ либо. На этой отдаленной окраинѣ совершается многое въ совершенномъ мракѣ и дѣла представляются нерѣдко въ превратномъ видѣ людьми, заинтересованными установить свою точку зрѣнія и создать иллюзію. Окраины всегда представляютъ соблазны для пышныхъ проектовъ, но рядомъ стоитъ трудность ихъ осуществленія и обратная сторона. Амуръ издавна отличался смѣлыми проектами и широкими планами, но исторія ихъ всегда была плачевна. Мы помнимъ, какая драма въ 60-хъ годахъ разыгралась здѣсь. Въ выспреннихъ проектахъ, надеждахъ и разныхъ планахъ тогда недостатка не было, край повидимому заселялся; мы гнали, привлекали и тащили всякій народъ сюда, начиная съ земледѣльцевъ и кончая штрафными солдатами,—что же изъ этого вышло? Многіе помнятъ, какую услугу оказала тогда гласность по отношенію къ амурскимъ дѣламъ, сорвавъ покровъ съ нашихъ иллюзій. Когда шло прославленіе нашихъ пріобрѣтеній на Амурѣ и всѣ обольщались нашими успѣхами, послѣдовали такія разоблаченія, какихъ мы не ожидали. Достаточно было появиться трезвымъ и правдивымъ письмамъ Д. И. Завалишина, которыя тогда были оцѣнены въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, чтобы амурская иллюзія рушилась.

Мы увидѣли фіаско нашихъ плановъ и обратную сторону колонизаціи: нашу неумѣлость, неподготовленность, искусственность бумажныхъ проектовъ, непроизводительную трату денегъ и бѣдствія населенія, голодавшаго и поѣдавшаго другъ друга.

Амуръ и теперь начинаетъ играть ту же роль; тѣ же пышныя фразы слышимъ мы, тѣ же проекты заселенія, обрусенія, поступательнаго движенія. Переселенцы, взволнованные слухами, тянутся на Амуръ тысячами. Что-то дастъ имъ этотъ Амуръ? Амурская гласность снова ищетъ себѣ выхода, если не въ мѣстныхъ, то въ столичныхъ газетахъ.

Въ pendant къ извѣстіямъ о новой газетѣ, русскіе печатные органы наполнены сообщеніями о переселенцахъ на Амуръ. Одинъ изъ корреспондентовъ „Русскаго Курьера“, изъ Томска, передаетъ характерную судьбу и мытарства этихъ переселенцевъ.

11-го іюня, въ 11 часовъ вечера, прибыла на пароходѣ „Нижегородецъ“, принадлежащемъ тов. гг. Курбатова и Игнатова, партія переселенцевъ въ 250 человѣкъ (56 семей), Полтавской губ.

Какимъ образомъ партія эта дошла до такой степени нищеты, чрезвычайно интересно прослѣдить. Единственное оставшееся для нихъ средство выйти изъ этого положенія, пріѣхавъ въ Томскъ, было—пойти по міру. Случилось оно вотъ какимъ образомъ:

Когда они выѣхали изъ Полтавской губ. въ Уссурійскій край, имъ обѣщано было дать субсидію со стороны благовѣщенскаго губернатора, которую они должны были получить для дальнѣйшаго слѣдованія на Амуръ черезъ Сибирь, частью въ Читѣ, частью въ Иркутскѣ. Пріѣхавъ въ Москву, они не были приняты губернаторомъ, содѣйствія котораго о болѣе дешевомъ проѣздѣ хотѣли просить, и, согласно выданному маршруту, отправились дальше, на Нижній. Маршрутъ выданъ былъ имъ полицейскимъ управленіемъ.

Отъ Нижняго до Перми они сѣли на пароходъ г. Курбатова, гдѣ взяли съ нихъ по 1-му руб. вмѣсто 2-хъ руб. 60-ти к. Когда они доѣхали до Тюмени, средства стали истощаться, и дальнѣйшее движеніе стало невозможнымъ. Тогда они стали придерживаться инструкціи, въ которой сказано: „Если выѣдете изъ Срѣтенска или Читы, телеграфируйте въ Благовѣщенскъ, въ канцелярію гражданскаго управленія, которая распорядится приготовить для васъ и необходимыя въ пути деньги“. „Если-же имъ понадобятся дорогою деньги“—сказано въ маршрутѣ (субсидія полагается по 60-ти р. на семью, заимообразно по 30-ти р. въ Иркутскѣ и Читѣ),—„то они должны обратиться съ просьбою въ Иркутскѣ къ гражданскому, а въ Читѣ къ военному губернатору. По прибытіи на мѣсто въ Благовѣщенскъ, они могутъ получить незначительное количество денегъ на самообзаведеніе“. Они отправили изъ Тюмени 21 мая 1883 г. слѣдующую депешу благовѣщенскому губернатору:

«Переселенцы 64-мя семействами, Полтавской губ., Константиновскаго уѣзда, слѣдуютъ на жительство въ Благовѣщенскъ, дошли до Тюмени, далѣе, слѣдовать не могутъ по неимѣнію никакихъ средствъ. Всепокорнѣйше просимъ распоряженія вашего превосходительства

дать пособія. Отвѣтъ уплоченъ. Петръ Красинъ». Но отвѣта не послѣдовало, и 25 мая была отправлена переселенцами вторая телеграмма: „Ваше превосходительство, на телеграмму № 1,201 прошу отвѣтъ скорѣй". Отвѣтъ полученъ слѣдующій: „Тюмень. Петру Красину. Нѣтъ источниковъ выдать пособіе. За губернатора—Петровъ".

Видя свое безъисходное положеніе и взявъ билеты на буксирный пароходъ „Нижегородецъ" въ Томскъ, они рѣшились уѣхать, не имѣя никакихъ средствъ къ пропитанію. По пути, длившемся 12 сутокъ, они распродали все, что имѣли, даже холстъ, приготовленный для рубахъ. Капитанъ „Нижегородца", г. Добрынинъ, видя ихъ незавидное положеніе, далъ имъ заработать нагрузкою дровъ въ пути 75 р., т. е. по 30 к. на брата. Этотъ ничтожный заработокъ далъ имъ возможность достать себѣ сухарей, которыми они и питались до Томска. Пріѣхавъ въ Томскъ и не имѣя ни гроша денегъ, они расположились на берегу Томи. На Курбатово-Игнатовской пристани можно было имъ дать работу, но это было-бы опасно, такъ-какъ на пристани работаютъ много бѣглыхъ бродягъ, которые могутъ поджечь въ отместку пристань, если работа будетъ сдана переселенцамъ. Пришлось прибѣгнуть съ просьбой къ исправляющему должность губернатора, Н. Н. Нѣтухову.

Это не первыя бѣдствія переселяющихся на Амуръ и не первая жертва „амурскаго прожектерства". Изъ разсказа видно, что эти переселенцы были вызваны, и имъ обѣщаны субсидіи. Вотъ что говоритъ добавочная корреспонденція изъ Томска („Русск. Кур."):

Несмотря на согласіе, данное г. управляющимъ казенною палатой, переселенцы колеблются и желаютъ все-таки выѣхать, не обращая вниманія на отсутствіе средствъ, только въ томъ случаѣ, если генералъ-губернаторъ Восточной Сибири подтвердитъ телеграммой обѣщанные имъ 60 рублей субсидіи, 100 десятинъ на семью и освобожденіе отъ всѣхъ повинностей въ теченіе 20-ти лѣтъ. Такое недовѣріе переселенцевъ объясняется вотъ какимъ обстоятельствомъ: уѣздный исправникъ родного села, послѣ полученной телеграммы отъ благовѣщенскаго губернатора *), убѣдилъ ихъ, что имъ придется доѣхать на свой счетъ только до Харькова и что тамъ они получатъ уже субсидію, но въ дѣйствительности ихъ спровадили въ Москву все-таки на счетъ-же переселенцевъ. Въ Москвѣ, московское купечество (дѣло было во время коронаціи) заплатило за нихъ на желѣзной дорогѣ до Нижняго и выдало по рублю на брата. Въ Нижнемъ хлопоталъ за нихъ нижегородскій губернаторъ, г. Барановъ, у г. Курбатова, который сдѣлалъ уступку—вмѣсто 2 р. 60 к. взялъ съ нихъ по 1 рублю. И, такимъ образомъ, они добрались до Томска, откуда дальнѣйшее слѣдованіе сдѣлалось абсолютно невозможнымъ.

Теперь является вопросъ: зачѣмъ же тогда мѣстное начальство предложило имъ идти, зачѣмъ даны маршруты, обѣщанія? Какъ извѣстно, субсидіи на переселенцевъ назначены въ извѣстномъ размѣрѣ, изъ государственнаго казначейства; онѣ далеко не могутъ удовлетворить всѣхъ претендентовъ на переселеніе,—поэтому, прежде, чѣмъ обнадеживать переселенцевъ, надо было сообразить средства. Переселенцы, двигавшіеся доселѣ въ Сибирь, сообразовались съ своими средствами; они оставались въ Тобольской, Томской губ., въ Семирѣчьи, т. е. тамъ, докуда хватало средствъ дойдти. Амурская колонизація съ своимъ искусственнымъ проектомъ начала отвлекать всѣ силы отъ колонизаціи остальной Сибири и преувеличенными слухами волнуетъ только русское крестьянство, будучи однако не въ силахъ удовлетворить всей насущной экономической потребности. Желательно, чтобы этой амурской игрѣ положенъ былъ конецъ, хотя бы въ интересахъ государственнаго казначейства.

*) Послѣдующая корреспонденція изъ Томска разъясняетъ, что переселенцы, судя по телеграммѣ, не были вызваны Восточно-Сибирскимъ начальствомъ. Но вѣдь кто нибудь давалъ же имъ маршруты? Вызовъ, стало быть, объявленъ по всей Россіи.

ХРОНИКА.

По свѣдѣніямъ изъ Омска, сообщаемымъ „Турк. Вѣд.", степной генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Колпаковскій, привезъ съ собою, для представленія центральному правительству, проектъ объ учрежденіи бригадъ, которыхъ проектируется три: двѣ пѣшія—семипалатинская и семирѣченская, и одна сибирская казачья бригада, къ которой будетъ присоединенъ и семирѣченскій казачій полкъ. Проектъ, по всей вѣроятности, будетъ утвержденъ, такъ какъ вопросъ о нихъ сопряженъ съ большимъ выигрышемъ для казны въ экономическомъ отношеніи. Съ учрежденіемъ бригадъ, упразднятся должности военныхъ губернаторовъ и областные штабы; всѣ же дѣла по военной части въ областяхъ будутъ подлежать вѣдѣнію бригадныхъ командировъ, на обязанности которыхъ возложится и наблюденіе за запасными и отставными нижними чинами. Такимъ образомъ, области степнаго края, въ томъ числѣ и семирѣченская, отдѣленная отъ Туркестана, будутъ управляться гражданскими губернаторами.

Телеграмма изъ Томска сообщаетъ, что туда прибылъ, на пароходѣ, новый губернаторъ, д. ст. сов. Красовскій, встрѣченный на пристани властями и жителями, причемъ музыка играла маршъ. Когда губернатору представлялись чины всѣхъ вѣдомствъ и многіе граждане города, г. Красовскій обратился къ присутствовавшимъ съ слѣдующими словами: „По Высочайшей волѣ Всемилостивѣйшаго Государя, я вступаю въ должность томскаго губернатора. Можетъ быть, господа, вы ожидаете отъ меня обращенія къ вамъ съ программою той дѣятельности, которая предстоитъ мнѣ среди васъ; но вѣдь обязанности и права начальника губерніи подробно и точно выражены въ статьяхъ 2-го тома Свода Законовъ, и намъ остается только свято соблюдать ихъ съ обѣихъ сторонъ. Вы, господа, въ правѣ желать и надѣяться отъ меня большаго, чѣмъ отъ другого, потому что въ Москвѣ я долженъ былъ научиться служить, имѣя живой примѣръ въ главномъ начальникѣ Москвы, князѣ Владимірѣ Андреевичѣ Долгоруковѣ, всегда сердечно относящемся къ каждому дѣлу и лицу. Смѣю увѣрить васъ, что воспользуюсь всѣмъ, что пріобрѣлъ въ этой хорошей школѣ, что я приложу къ дѣлу всѣ свои силы и способности; но прошу васъ, господа, помочь мнѣ вашими совѣтами, вашимъ знаніемъ мѣстныхъ условій, вашимъ участіемъ; прошу васъ помочь мнѣ съ тѣмъ же глубокимъ, сердечнымъ желаніемъ добра и справедливости, съ тою же любовью къ дѣлу, съ которыми я начинаю это дѣло сегодня".

Намъ пишутъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ Нерчинскаго горнаго округа. На земляхъ Кабинета Его Величества заселены казаки Забайкальскаго казачьяго войска, которымъ и отведены кабинетскія земли для безвозмезднаго пользованія, съ тѣмъ лишь непремѣннымъ условіемъ, что находящіяся въ нѣдрахъ земли богатства считаются неприкосновенною собственностію Кабинета Его Величества, на каковыхъ началахъ казаки живутъ и теперь. По положенію же 19 февраля 1861 г., изъ бывшихъ горно-заводскихъ людей образованы три волости: Александровская, Дучарская и Шилкинская, на правахъ крестьянъ, уволенныхъ изъ крѣпостной зависимости; но этимъ крестьянамъ кабинетскія земли отведены не на тѣхъ началахъ, какъ казакамъ, а по уставнымъ грамотамъ, съ платежемъ въ Кабинетъ оброчной подати, отъ которой прежде образовались значительныя недоимки, но теперь, кажется, погашаются платежемъ *). А коль скоро поземельный вопросъ крестьянъ Алтайскаго горнаго округа находится уже въ разсмотрѣніи, то весьма желательно, чтобы и вопросъ о земельномъ довольствіи крестьянъ Нерчинскаго горнаго округа разрѣшился одновременно съ алтайскимъ. Возбужденъ-ли этотъ вопросъ официально—неизвѣстно, но выдвинуть его слѣдуетъ своевременно.

*) Въ Верхнеудинскомъ округѣ, изъ горнозаводскихъ людей образована четвертая волость, Петровская (Петровскій желѣзодѣлательный заводъ), но на какихъ началахъ крестьяне этой волости пользуются землею—сообщителю неизвѣстно.

Намъ пишутъ: прибывшій въ Нерчинскій заводъ, въ концѣ 1881 г., довѣренный иркутскаго купца И. Ф. Голдобина, устроилъ съ мѣстными виноторговцами какую-то домашнюю сдѣлку; по этому случаю, г. Голдобинъ въ 1882 г. виноторговли въ Нерчинско-заводскомъ округѣ не открывалъ, водка какъ въ этомъ, такъ и въ началѣ 1883 г. продавалась здѣсь по 10—12 руб. за ведро, такъ-какъ главные мѣстные виноторговцы: Сибиряковъ, Лукинъ, Рындинъ и другіе, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ образовавъ на домашнихъ началахъ неофиціальную компанію, не имѣли конкурентовъ и продавали водку по произвольной цѣнѣ; въ концѣ 1882 г., тотъ-же довѣренный Голдобина, прибывши въ Нерчинскій заводъ и, вѣроятно, не сойдясь уже на этотъ разъ въ условіяхъ съ означенными компаніонами, съ февраля 1883 г. открылъ здѣсь виноторговлю, понизивъ цѣну на водку сразу съ 12 на 7 руб. за ведро. Послѣ этого, компанія назначила цѣну въ 6 руб. за ведро; фирма же Голдобина понизила ее только на 6 р. 50 к.,—такъ дѣло и идетъ. Благодаря этому понижению цѣны, при прошлогоднемъ порядочномъ урожаѣ ожидалось усиленное пьянство; но народъ, или одумавшись отъ бывшихъ до сего неурожаевъ, или же по неимѣнію сбыта произведеній, къ дешевизнѣ этой отнесся весьма благоразумно и особенному пьянству не предается, чего нельзя не отнести къ чести большинства, да нельзя и не порадоваться этому. Торговыя фирмы, по случаю этой конкуренціи, какъ говорятъ, должны торговать нынѣшній годъ водкой безъ особенныхъ девидендовъ.

Намъ пишутъ, что гдѣ-то около Бахтовъ и другихъ сосѣднихъ мѣстностей близъ Китайской границы, обнаружились уже военные дѣйствія со стороны мѣстныхъ вонтелей, но не противъ непріятеля, т. е. не противъ китайцевъ, дунганъ и барантачей, а противъ мирныхъ людей, принимаемыхъ за корреспондентовъ. Недаромъ нашихъ пограничныхъ ташкентцевъ зовутъ вонтелями съ бабами. Приходится прежде, чѣмъ нападать на Китай, подумать объ огражденіи своихъ подданныхъ отъ этихъ вонтелей. Главная степная администрація, конечно, поймѣтъ, что подобные поступки позорятъ только тѣхъ, кто преслѣдуетъ печатное слово, и удержитъ ихъ отъ безобразія.

Изъ Ташкента „Рус. Вѣд.“ пишутъ, что въ предѣлахъ туркестантскаго генералъ-губернаторства дѣло облѣсенія страны подвигается гигантскими шагами впередъ; (?!) такъ, передаютъ, что только однимъ изъ уѣздныхъ начальниковъ, сравнительно въ короткій періодъ времени, на голыхъ пескахъ насаждены 10,000 тополей и до 80,000 джузаковъ.

Въ г. Семипалатинскѣ, какъ намъ сообщаютъ, въ послѣднее время процвѣтали садоводство и цвѣтоводство. На одинъ садъ было истрачено 9,000 р. и все-таки ничего не выросло, да и немудрено: за пески нашу мѣстность называютъ „чортовой песочницей“. На разведеніе казенныхъ садовъ, увы! не въ первый уже разъ тратятся деньги, но плоды выходятъ для однихъ только садоводовъ.

Намъ прислана слѣдующая поправка. Въ № 24 „Вост. Обозр.“, умершій въ Кобдо фотографъ, В. В. Ефремовъ, ошибочно названъ сибирякомъ, такъ какъ онъ уроженецъ Нижегородской губерніи. Но покойный почти съ дѣтства жилъ въ Сибири и сродился съ ней. Онъ долгое время занимался торговыми дѣлами одного купца въ Тюмени. Затѣмъ, въ 1878 году, выучился фотографіи и занялся съемкой видовъ Сибири. Въ Тобольской губерніи мы знаемъ еще фотографа, составившаго большую коллекцію мѣстныхъ видовъ. Это Ф. И. Загорскій. Но его снимки принадлежатъ мѣстностямъ болѣе извѣстнымъ, виды которыхъ частью встрѣчались въ нашихъ иллюстраціяхъ, хотя почти всегда въ плохой передачѣ и съ искаженіями. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, изъ Тюмени была предпринята фотографическая экспедиція К. Н. Высоцкаго, имѣвшаго довольно хорошую фотографію, перешедшую потомъ къ г. Загорскому. Экспедиція посѣтила часть восточнаго склона Урала и сдѣлала много замѣчательныхъ снимковъ на большія пластинки. Виды эти почему-то не появлялись въ иллюстраціяхъ, и цѣла ли у г. Высоцкаго коллекція этихъ видовъ—намъ неизвѣстно.

Открытіе въ Енисейскѣ музея—совершившійся фактъ, такъ-какъ Дума отвела довольно приличное помѣщеніе и ассигновала на текущіе расходы 200 рублей; теперь идетъ частная подписка и можно надѣяться, что собранныхъ суммъ будетъ вполнѣ достаточно на первоначальное устройство музея, который уже имѣетъ до 2000 названій различныхъ предметовъ, пожертвованныхъ разными лицами. Распорядителями по музею избраны трое: Максимиліанъ Осиповичъ Марксъ (метеорологъ и натуралистъ), Александръ Игнатьичъ Китмановъ (натуралистъ) и гласный Скорняковъ (иниціаторъ этого дѣла). При этомъ нельзя не пожелать, чтобы россійскія ученыя общества и ученые люди пришли на помощь этому новому учрежденію своими приношеніями въ видѣ коллекцій (какъ учебное пособіе) и книгъ научнаго содержанія, за что музей былъ бы глубоко благодаренъ.

Недавно въ петербургскихъ газетахъ было напечатано извѣстіе: „С.-петербургское губернское земство понесло на-дняхъ утрату въ лицѣ скончавшагося 26-го іюня, въ Лѣсномъ, отъ паралича сердца, П. Е. Пудовикова, завѣдывавшаго разработкою статистическихъ данныхъ по изслѣдованію экономическаго положенія С.-Петербургской губерніи“.

Мы должны прибавить, что покойный былъ сибирякъ, родомъ изъ Енисейской губерніи, до 1865 г. учившійся въ Томской семинаріи, а затѣмъ въ Петербургскомъ университетѣ; окончивъ курсъ, онъ почувствовалъ наклонность къ занятію статистикой. Труды его по этой части были извѣстны нѣкоторымъ ученымъ обществамъ и помѣщались въ журналахъ. Между прочимъ, онъ разрабатывалъ вопросъ о кустаряхъ въ Россіи. Въ послѣднее время, онъ занялъ весьма видный постъ по разработкѣ земской статистики въ Петербургской губерніи. Смерть рано похитила этого полезнаго труженика, онъ умеръ не болѣе 35 лѣтъ, оставивъ семью и дѣтей. Выѣзжая изъ Сибири учиться, покойный мечталъ принести пользу родинѣ и возвратиться въ край, но, подобно многимъ сибирякамъ, остался въ Европейской Россіи и вслѣдствіи совершенно охладѣлъ къ сибирскимъ дѣламъ, хотя смутное чувство родства и давало себя чувствовать. Въ числѣ причинъ, которыя не влекли его назадъ, было то, что въ Сибири онъ не нашелъ бы тѣхъ удобствъ для занятій и, можетъ быть, не былъ бы признанъ въ своей спеціальной профессіи. Въ Сибири—статистика въ самомъ жалкомъ положеніи, и секретари статистическихъ комитетовъ выбираются большею частью не изъ спеціалистовъ, окончившихъ курсъ въ университетѣ, а изъ старыхъ чиновниковъ, исправниковъ и т. д.

Мы видимъ однако, что и въ Сибири нашлись бы способные и образованные люди вести это дѣло въ краѣ, доказательствомъ чему служитъ тотъ же П. Е. Пудовиковъ. Тѣмъ горше наша родина должна чувствовать потерю подобныхъ лицъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Перовскъ (корресп. „Вост. Об.“). Жители-хлѣбопашцы нашего уѣзда издавна жалуются на плохое состояніе искусственной ирригаціи и недостаточность воды въ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, которая, вслѣдствіи укрѣпленія и возвышенія (искусственнаго) береговъ и запрудъ, шла на поливку земли другихъ уѣздовъ, чему способствовали, конечно, не перовцы, а жители этихъ уѣздовъ; водой у насъ настолько дорожатъ, что нерѣдко изъ-за числа часовъ, предназначенныхъ для пользованія ею каждому хлѣбопашцу, заводили ожесточенныя драки и долгіе судебные процессы.

Въ настоящемъ году, по иниціативѣ М. Г. Черняева, для улучшенія ирригаціи въ уѣздѣ, предпринята была довольно капитальная работа по отводу рѣки Сыръ-Дарьи въ старое русло; она сдѣлана удачно и окончена только на-дняхъ, такъ что теперь хлѣбопашцы, кругомъ на 40 верстъ отъ Перовска, имѣютъ количество воды, вполнѣ достаточное для орошенія засѣянныхъ полей. Руководители работъ полагали, что при отводѣ рѣки въ старое русло, вода въ новомъ руслѣ понизится настолько, что значительно облегчитъ вытащить изъ воды затопленный два года тому назадъ пароходъ аральской флотиліи „Самаркандъ“ и баржу той-же флотиліи, затопленную 16 лѣтъ уже, но въ разсчетѣ ошиблись: паро-

ходъ и баржа до днесь благополучно пребываютъ на днѣ рѣки, да и врядъ-ли когда будутъ вытащены. Слѣдуетъ замѣтить, что на извлеченіе „Самарканда“ уже израсходовано около 18,000 р., стоимость-же парохода по официальнымъ свѣдѣніямъ простирается до 78,000.

Надежды на урожай въ нынѣшнемъ году пока очень плохи, на поляхъ уже зародилась саранча. Вообще, нашъ уѣздъ за послѣдніе три года не можетъ похвалиться хорошими урожаями,—саранча дочиста поѣдаетъ весь хлѣбъ, что въ значительной степени отражается невыгодно на благосостояніи жителей, въ особенности же туземцевъ.—1-го іюня началась у насъ сенаторская ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и казенныхъ учрежденій, о результатахъ которой пока еще ничего неизвѣстно.—Нынѣшнее лѣто, въ нашемъ уѣздѣ появилось нѣсколько тигровъ; такъ, одинъ изъ нихъ, 23-го мая, загрызъ лошадь изъ табуна, пасшагося въ 200-хъ саженяхъ отъ станціи Александровска; появленіе тигровъ сильно тревожитъ населеніе.

Миѳологія киргизовъ, юртовъ и другихъ племенъ, населяющихъ туркестанскій край, для насъ пока—terra incognita; а между тѣмъ, племена эти, какъ и всякій народъ, имѣютъ свои преданія, свои манеры и свои легенды, и по своему объясняютъ различныя явленія и законы природы. Недавно пришлось намъ бесѣдовать съ однимъ киргизомъ казалинскаго уѣзда о землѣ и ея устройствѣ. Вотъ что разсказалъ киргизъ: „Земля наша кругла, какъ лепешка, и кончается воздушнымъ пространствомъ; она не вертится, а стоитъ на мѣстѣ, вращаются-же вокругъ нея звѣзды и другія свѣтила. Земля держится на большомъ быкѣ, половина котораго чёрная, а другая—бѣлая; у этого быка одинъ глазъ среди лба. Землю быкъ держитъ на одномъ рогѣ, и когда разсердится на людей, то перекидываетъ землю на другой рогъ, отчего и происходитъ землетрясеніе. Солнце—это глазъ добраго духа—духа жизни, духа дня, духа свѣта; дурные люди боятся этого духа и прячутся отъ него; утромъ онъ просыпается и понемногу начинаетъ поднимать голову и осматривать землю. Добрый духъ заботится о людяхъ, грѣетъ ихъ, грѣетъ землю, способствуетъ жизни растеній и людей, и свѣтитъ имъ. Луна—глазъ духа зла, духа тьмы; онъ соблазняетъ людей и помогаетъ своимъ свѣтомъ злымъ людямъ творить дурныя дѣла“.

Иркутскъ (Корреспонд. „Восточнаго Обозрѣнія“). Недавно въ нашей городской управѣ были торги на освѣщеніе города. Низкая цѣна осталась за нынѣшнимъ подрядчикомъ Небыловскимъ, въ 9,200 р. Между тѣмъ, Небыловскій еще ранѣе подавалъ думѣ заявленіе, что если освѣщеніе города оставлено будетъ за нимъ безъ торговъ, то онъ принимаетъ его за 7,200 р. Послѣ торговъ, Небыловскому было указано на это заявленіе, и онъ согласился взять выпрошенную раньше цѣну. Объ этомъ узналъ другой торговавшійся, Посылинъ, и предложилъ сбавку и противъ этой цѣны; о сбавкѣ было объявлено Небыловскому, а онъ и еще сбавилъ. Такимъ образомъ, сдѣлана новая переторжка, послѣ которой Посылинъ подалъ въ думу заявленіе, впрочемъ, еще не разсмотрѣнное. Между тѣмъ, Посылинъ состоитъ кандидатомъ члена управы и въ торгахъ на городскіе подряды вовсе не можетъ участвовать. Управскіе дѣльцы объясняютъ допущеніе его къ торгамъ тѣмъ, что въ это время онъ не присутствовалъ въ управѣ; но это очевидная натяжка.

Другіе торги были на городскія постройки: зданія полицейскаго управленія и одной школы. Они остались за инженеромъ К., который взялъ ихъ за 60 т. р., сдѣлавъ незначительную сбавку (около 3 т. р.) противъ смѣтныхъ цѣнъ. Но въ то же время, торговавшись на основаніи общихъ, предъявленныхъ управой кондицій, онъ предложилъ, при сбавкѣ цѣны, нѣкоторыя существенныя измѣненія въ нихъ, и управа приняла эти измѣненія, сдѣлавъ такимъ образомъ, за не большую уступку въ цѣнѣ, значительныя льготы г. Каразину противъ другихъ торговавшихся. Одно изъ такихъ измѣненій гласитъ, что за дополнительныя (т.-е. невнесенныя въ смѣты) работы управа обязана платить ему особо отъ договорной цѣны, по цѣнамъ, какія будутъ назначены въ составленныхъ архитекторомъ смѣтахъ. Что это за дополнительныя работы, и что это за смѣты, въ которыхъ показаны не всѣ работы? Съ какой стати управа должна въ этомъ случаѣ подчиняться фантазіямъ своего наемнаго архитектора? И какъ велики эти „дополнительныя“ работы? Что, если стоимость ихъ дойдетъ и еще до 60 т. р., и городу придется заплатить вдвое? Въ обезпеченіе исправности подряда, г. К. представилъ 8 тысячныхъ билетовъ; но въ то же время управа выдала ему въ задатокъ 6 т. р., не обезпечивъ ихъ, какъ слѣдовало по закону и думскимъ опредѣленіямъ, особыми отъ подряда залогами рубль за рубль. Слѣдовательно, въ обезпеченіе собственно исправности 60-ти-тысячнаго подряда, дѣйствительно остаются только 2 т. руб.

Нельзя сказать, чтобы городская дума относилась равнодушно ко всѣмъ этимъ фактамъ. Тотъ небольшой кружокъ гласныхъ, который серьезно занимается городскими дѣлами, очень ревностно охраняетъ и права думы, и силу ея постановленій, и правильность хода дѣлъ. Нѣкоторыя засѣданія думы, въ которыхъ разсматриваются дѣйствія управы, бываютъ очень обширны. Но много ли можетъ сдѣлать распорядительное учрежденіе, когда исполнительные его органы безпрестанно нарушаютъ его распоряженія? Что ему дѣлать? Удалить ихъ отъ дѣла? Но это возможно только съ преданіемъ ихъ суду; да и гдѣ взять другихъ вмѣсто нихъ? Даже и теперь составъ управы не полонъ. И приходится мириться съ положеніемъ, разсматривать по нѣсколько разъ одно и то же дѣло, исправлять ошибки и, перемалывая старое, замедлить или отклонить всякія новыя улучшенія, требующія серьезной предварительной разработки, потому что на обсужденіе ихъ не хватаетъ времени, да и не все можетъ быть исправлено, и не все доходитъ до думы.

Енисейскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Инженеръ путей сообщенія, командированный на каналъ между Кетью и Касомъ, уѣхалъ отсюда въ Томскую губернію, съ цѣлію наемки тамъ людей для работъ, такъ какъ здѣшніе чернорабочіе не согласились взять меньше тридцати рублей и плотники—пятидесяти рублей на казенномъ содержаніи, а на предложенную плату въ 22 р. 50 к. за мѣсяцъ, никто не согласился; на эту плату не пошли и крестьяне подгородныхъ деревень, куда ѣздилъ служащій для наемки. Въ каинскомъ и колыванскомъ округахъ, гдѣ предполагаетъ нанимать инженеръ Бодіенскій, и гдѣ населенность гораздо гуще и уже есть готовый контингентъ рабочихъ, ходящихъ на пріиски, можно надѣяться, онъ найдетъ людей за эту низкую плату. Низкою я называю потому, что условія тамошнихъ работъ будутъ довольно тяжелы: въ постоянной сырости преимущественно болотистыхъ мѣстъ, при миріадахъ комаровъ и мошекъ, рабочій не будетъ имѣть возможности хорошенько обогрѣться и обсушиться, такъ какъ теплыхъ, бревенчатыхъ помѣщеній въ настоящее лѣто не будетъ, а будутъ люди жить въ берестяныхъ, покрытыхъ развѣ дерномъ, шалашахъ. Работы же будутъ производиться на тачкахъ, ручнымъ откатомъ, въ теченіи 12 часовъ. Въ зимнее время, работы также предположено продолжать, но въ какихъ размѣрахъ, еще неизвѣстно. Лѣсъ предполагаютъ заготовить не подрядчикомъ, какъ передавали мнѣ ранѣе, способомъ, а собственными рабочими. Провизія и рабочіе будутъ доставлены на мѣсто работъ пароходомъ, который предполагаютъ нанять у обскихъ пароходо-владѣльцевъ. Съ отъѣздомъ отсюда инженера Бобіенскаго и съ открытіемъ навигаціи по Кети, дѣятельность комиссіи по проведенію канала отдалится отъ Енисейска, а между тѣмъ, по первоначальному проекту министра, въ виду отдаленности края и трудно-

сти сообщеній, веденіе дѣла обыкновеннымъ казеннымъ способомъ, по разрѣшеніямъ и утвержденіямъ министерства, признавалось неудобнымъ, и для успѣшности дѣла предполагалось учредить на мѣстѣ особое временное управленіе, примѣнительно къ положенію объ управленіи по постройкѣ криворогской и баскунчакской желѣзныхъ дорогъ, съ участіемъ въ управленіи представителей отъ генералъ-губернатора и торгующаго сословія; но о такомъ учрежденіи и участіи представителей ничего неслышно, между тѣмъ, какъ такое участіе было бы крайне желательно.

Изъ **Томскаго округа** (корресп. „Вост. Обозр.“). Сейчасъ вернулся изъ небольшой поѣздки по окрестностямъ. Много неурядицъ, много глубокихъ язвъ гнѣздится въ необъятной Сибири... объ нихъ—всецѣло—„ни перомъ не написать, ни въ сказкѣ перезсказать“. Я поведу слово о народныхъ хлѣбныхъ запасахъ, т.-е. о магазинахъ. Эта часть управленія хоть и носитъ довольно вѣское названіе „народнаго продовольствія“, но совсѣмъ почти забыта въ Томской губерніи вообще, а въ Томскомъ округѣ—въ особенности. Сельскіе хлѣбные магазины полны только на бумагѣ, въ натурѣ же не то: закромы пусты. Что будетъ, если грянетъ неурожай, одинъ Богъ вѣдаетъ. Почему не собирается хлѣбъ въ сельскіе магазины, а считается лишь въ ссудѣ, пусть разъяснятъ тѣ, кому это подвѣдомо. Впрочемъ, очень можетъ быть, что и ближайшая къ народу власть, въ лицѣ исправника и засѣдателя, мало что можетъ сказать: послѣдніе—по исключительнымъ занятіямъ слѣдственными дѣлами, а первые—по рѣдкости посѣщенія сторонникъ селеній своего округа. Не рѣдкость найти такія, даже вовсе неотдаленныя селенія отъ тракта (верстъ 50—40), гдѣ исправникъ не бывалъ никогда и не знаетъ, что за деревня N.

Подати, повинности земскія и общественныя по Томской губерніи дѣйствительно велики; но если взгляните глубже во всѣ изгибы поборовъ, то окажется, что тутъ царятъ злоупотребленія, безурядицы, которыя если устранить, то поборы стали бы весьма сносны. Вездѣ преувеличеніе, начиная съ подводной гоньбы и кончая небрежнымъ веденіемъ приходо-расходнаго дѣла въ сельскихъ и волостныхъ суммахъ. Впослѣдствіи надѣюсь все это выяснить подробно, въ своемъ мѣстѣ. Крестьяне, выбирая довѣренныхъ изъ своей среды для присутствованія на волостныхъ сходахъ, мало обращаютъ вниманія на качества выбираемаго, а эти выборные, вмѣсто того, чтобъ соблюдать интересы общества, избравшаго ихъ своими представителями, эксплуатируютъ его изъ личныхъ, самыхъ пустыхъ видовъ. Вотъ свѣжій, на-дняхъ совершившійся фактъ. Въ одной изъ волостей былъ общественный, такъ-называемый волостной сходъ. Волостной писарь поставилъ сходу два ведра водки, и за это угощеніе сходъ прибавилъ писарю въ жалованье 200 руб., значитъ довѣренные выпили на 12 руб., а довѣрители поплатились двумя стами рублей въ годъ; а если же писарь прослужитъ 5 лѣтъ, то выйдетъ тысяча рублей, такъ-какъ разъ прибавленное жалованье по приговору получается до смѣны писаря. „Глупъ, выходитъ, народъ“, говорятъ тѣ, кому это на руку. Но въ сущности онъ не глупъ, а только не имѣетъ простора сказать слова правды, да боится прогнѣвить и полицейскую власть, всегда горячо и настойчиво—если уже не прямо, то косвенно—поддерживающую волостныхъ писарей.

Самая тяжелая повинность для жителей Томской губерніи, Томскаго и Маріинскаго округовъ — это исправленіе трактовой московской дороги. Исправляется она натурой по всему протяженію отъ Томска до Иркутска. Много было писано объ этой дорогѣ. Но проэкты разсыпались въ прахъ, частію по своей непрактичности, но больше по тормозамъ, налагаемымъ сильными руками на это дѣло.— Доказано было, какъ дважды два, что вмѣсто исправленія дороги натурою, слѣдуетъ переложить эту повинность въ денежную, доказано, что это—завѣтное, горячее желаніе самихъ отбывателей ея; но ничто не помогло, и исправленія идутъ по старому на всемъ протяженіи отъ Томска до Иркутска. Томскія губернскія власти, а также и окружныя не хотятъ или не желали до сихъ поръ сообразить, что Томская губернія, по волѣ царской, выдѣлилась изъ-подъ особаго положенія Сибирскаго и въ ней введены уже законоположенія общаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, а въ этомъ положеніи есть статья—кажется, 180 я, если не ошибаюсь, по которой крестьянскія общества вольны, по своей иниціативѣ, перелагать натуральныя повинности въ денежныя. Значитъ, нѣтъ и препятствій къ облегченію тяготы. Въ нынѣшнемъ году отправленіе дорожной повинности поведено такъ: зимою возили на дорогу г а л ь к у, т. е. щебень или вродѣ щебня—большою частью возили наймомъ подрядчики, и крестьяне заплатили деньгами по 1 р. 50 к. и больше съ души, а кромѣ этого, натурою все-таки пришлось работать. Люди высланы на работы за 200—300 верстъ. Весна нынѣ поздняя, полевыя весеннія работы начались поздно—а тутъ выгонки на дорогу. Между тѣмъ, переложивши эту натуральную повинность въ денежную, крестьянамъ пришлось бы заплатить не больше 40 к. съ могутной души (съ рабочей силы) и исправленіе шло бы наймомъ съ весны и до осени. Галька возилась бы зимой тоже наймомъ. Бѣдные крестьяне, которые имѣютъ мало лошадей и въ извозъ не ходятъ, зарабатывали бы деньги дома, а пролетаріи бездомовые работали бы все лѣто, весну и осень на дорогѣ. Дорога была бы не то, что теперь. Нѣкто выработалъ основы проекта исправленія дороги наймомъ, и ожидаетъ необходимыя свѣдѣнія, о которыхъ проситъ новаго губернатора. Когда проектъ будетъ готовъ, онъ отдастся на судъ общественнаго мнѣнія. Этотъ проектъ вырабатывался 20 лѣтъ наблюденіями по всему тракту отъ Томска до Иркутска, соображаясь съ мѣстностями и ихъ условіями.

По всей вѣроятности, переложеніе натуральной дорожной повинности въ денежную—кое-кому не по праву придется, начиная съ волостныхъ властей, но народъ будетъ считать такое событіе благомъ и благословлять ту силу, которая разрушитъ допотопные порядки дорожной повинности.

Чтобы судить, насколько Томская губернія, въ лицѣ ея администраціи, неохотно поддавалась нововведеніямъ, скажу хоть объ одномъ рѣзко выдающемся фактѣ: въ 1863 году, пишущій эти замѣтки написалъ записку о выдачѣ подорожныхъ изъ волостныхъ правленій, расположенныхъ на почтовыхъ трактахъ. Въ запискѣ выяснялось, что въ Сибири, вообще, человѣку, желающему ѣхать куда нибудь на почтовыхъ, приходится предварительно путешествовать въ городъ за 400—500 верстъ, чтобъ получить подорожную. Тутъ ставился вопросъ: что мѣшало бы выдавать подорожныя изъ волостныхъ правленій? Записка была напечатана въ „Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и сочувственно принята близко къ сердцу бывшимъ генералъ-губернаторомъ Корсаковымъ. Съ 1864 года, по всей восточной Сибири, во всѣхъ трактовыхъ волостныхъ правленіяхъ выдаются подорожныя; жители очень довольны, въ особенности торговый людъ, казна значительно больше получаетъ дохода отъ этого источника, чѣмъ прежде, такъ почему-бы, кажется, не ввести такого нововведенія и въ Томской губерніи. Западная и Восточная Сибирь—двѣ сосѣдки, двѣ сестры, и хоть онѣ отгорожены стѣною, однако же не настолько высокою, чтобъ можно было назвать ее неприступною: вѣдь подонки выливаются же постоянно изъ одной стороны

въ другую черезъ стѣну *). Почему же не пересадить къ себѣ то, что есть добраго въ чужомъ, сосѣднемъ огородѣ?

Барнаулъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Послѣдняя новость—пріѣздъ сюда начальника алтайскихъ заводовъ Журина. Пріѣздъ его былъ простъ, не попрежнему: въ квартирѣ ждалъ одинъ экзекуторъ. На другой день къ новому горному начальнику являлись всѣ горные дѣльцы; пріемъ продолжался не болѣе пяти минутъ, причемъ г. Журинъ въ короткихъ словахъ высказалъ, что, по Высочайшей волѣ, онъ долженъ искоренить здѣсь беззаконіе и хищеніе, для чего ему нужны сотрудники не прежняго закала, а способные содѣйствовать исполненію царской воли. Кабацкій совѣтникъ г. Б., сообразивъ, что въ отставкѣ онъ будетъ получать немного больше 5 т. руб. процентовъ съ благопріобрѣтеннаго капитала, на которые, по его мнѣнію, трудно жить порядочно, говоритъ, плачетъ и жалуется всѣмъ и каждому на свою судьбу, постоянно принимаетъ успокоительныя средства и не только не являлся къ начальнику, но даже и не росписался на повѣсткѣ, сказавъ посланному: „пускай ихъ росписываются, пускай ихъ являются! а я, братецъ, самъ видишь, въ какомъ положеніи, жить доводится на 5-ть тысячъ“... Вчера закрыто горное правленіе, отслужившее свою службу. Окружная контора на-дняхъ откроется. Нѣсколькимъ управляющимъ заводами, какъ слышно, предложено выйдти въ отставку. Уходитъ и г. Аносовъ, завѣдывающій лѣсами, онъ будетъ замѣненъ г. Фроловымъ съ Урала.

На г. Журина возлагаются значительныя надежды. Однако, люди опытные, имѣя въ виду организацію горнаго дѣла, говорятъ, что вытравить прежнія порядки едва ли скоро удастся: вѣдь всѣ служители и уставщики поголовно деморализованы старымъ режимомъ.

Изъ **Тюмени** (корресп. „Вост. Обозр.“). Съ установленіемъ лѣтняго пути, въ городѣ большой приливъ переселенцевъ, ѣдущихъ изъ Россіи, преимущественно въ томскую губ., въ бійскій и барнаульскій округа, а также въ г. Минусинскъ енисейской губ. и даже въ Благовѣщенскъ. Эти несчастные люди большею частью „квартируютъ“ на площадяхъ города и поляхъ, подъ открытымъ небомъ. Полуодѣтые и голодные, они кое-какъ влачатъ свое существованіе, не говоря уже о малолѣтнихъ. Мнѣ пришлось видѣть ихъ пищу: она заключается въ очень плохомъ хлѣбѣ съ водою—и только! Должно быть, отъ плохого питанія, грязи и холода, между ними развилась большая смертность. Сплошь и рядомъ встрѣчаются такія картины: подъ открытымъ небомъ, на полѣ, или гдѣ-либо подъ горой, прямо на землѣ, лежитъ покойникъ въ рваномъ кафтанишкѣ и лаптяхъ...

«Только солнышко знойное,
«Не скупяся, наводитъ лучи
«На лицо непробудно-спокойное.

Никто не приходитъ къ нимъ на помощь. Власти и городскіе врачи какъ будто ничего не видятъ и не слышатъ...

Многіе изъ переселенцевъ ждутъ прихода и отхода пароходовъ, на которыхъ бы они могли доѣхать до Томска. Но ожиданія остаются большею частію безполезными, такъ какъ принимаютъ пассажировъ только на пассажирскіе пароходы гг. Курбатова и Игнатовыхъ, отходящіе разъ въ недѣлю, почему желающихъ ѣхать всегда очень много и кромѣ переселенцевъ. Изъ послѣднихъ, переправившіеся въ Томскъ на пароходахъ составятъ развѣ только пятую часть, остальные еще остаются въ городѣ и, вѣроятно, путь свой будутъ продолжать трактомъ.

Изъ Забайкалья (коресп. „Вост. Обозр.“) Войсковое населеніе всѣхъ казачьихъ войскъ избавлено отъ платежа государственныхъ, губернскихъ и частныхъ денежныхъ земскихъ повинностей, взамѣнъ чего казаки относятъ службу въ собственномъ обмундированіи, снаряженіи и на собственныхъ лошадяхъ, а, находясь на льготѣ, обязаны быть въ постоянной готовности къ выходу на службу.

Въ этомъ отношеніи законъ не дѣлаетъ исключенія ни для одного изъ существующихъ нынѣ 10-ти казачьихъ войскъ, между тѣмъ, на практикѣ, такимъ исключеніемъ, вотъ уже въ теченіи 8 — 10 лѣтъ, является Забайкальское казачье войско.

Населеніе этого войска, сверхъ повинностей, относимыхъ всѣми казачьими войсками, облагается еще денежными земскими повинностями на равнѣ съ государственными крестьянами Забайкальской области, причемъ въ раскладку этихъ повинностей включаются не только льготные и отставные казаки, но и казаки, служащіе на 4-хъ лѣтней дѣйствительной службѣ. Разумѣется, что, состоя на службѣ, казаки фактически лишены возможности уплачивать лежащія на нихъ повинности; поэтому, возвращаясь на льготу, они должны заботиться не о приведеніи въ порядокъ пошатнувшагося, въ теченіи 4-хъ лѣтняго отсутствія, хозяйства, а объ уплатѣ накопившейся за нимъ недоимки, что весьма часто ведетъ къ окончательному раззоренію скуднаго казачьяго хозяйства.

Полагаемъ, что обложеніе населенія Забайкальскаго казачьяго войска денежными земскими повинностями производится единственно вслѣдствіе недоразумѣнія, скорѣйшее разъясненіе котораго было бы крайне желательно, такъ какъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій и несоотвѣтствія количества податей съ платежными силами, обѣдненіе населенія Забалькальскаго казачьяго войска идетъ быстрыми шагами впередъ, и казаку съ каждымъ годомъ становится все труднѣе и труднѣе завести исправное обмундированіе и снаряженіе при выходѣ на службу. Не видѣть этого обѣдненія и не знать объ немъ можетъ только тотъ, кто знакомъ съ населеніемъ по официальнымъ донесеніямъ о всеобщемъ и всегдашнемъ благополучіи, да по застольнымъ спичамъ, трактующимъ, обыкновенно, о постепенномъ ростѣ экономическаго благосостоянія страны, благодаря и т. д., что вообще принято говорить въ подобныхъ случаяхъ. Даже пожертвованія съ самыми высокими просвѣтительными цѣлями далеко не всегда служатъ выраженіемъ избытка матеріальныхъ средствъ жертвователей.

Балаганскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Хозяева крупчатокъ, нуждаясь въ значительномъ количествѣ пшеницы, покупаютъ ее, главнымъ образомъ, черезъ своихъ агентовъ, которые разъѣзжаютъ въ извѣстномъ околодкѣ, задаютъ крестьянамъ и бурятамъ деньги за полгода почти впередъ „на цѣны“ или „рѣшительно“ съ извѣстной уступкой, обязуя ихъ доставить пшеницу въ извѣстные пункты. Вотъ тутъ-то имъ и нужны ловкіе, способные на разныя мошеническія штуки, люди: они, по убѣжденію, напр., извѣстнаго здѣсь кулака Д—вскаго, „себѣ наживутъ и мнѣ пользу сдѣлаютъ“. За отсутствіемъ постоянныхъ, правильныхъ рынковъ для сбыта хлѣба въ Балаганскомъ округѣ, населеніе неизбѣжно должно сбывать хлѣбъ двумъ-тремъ скупщикамъ, черезъ посредство извѣстныхъ мѣстныхъ міроѣдовъ-кулаковъ. Эти послѣдніе, раздавая деньги подъ хлѣбъ, выряживаютъ уступку отъ 10 до 20 к. съ пуда существующей цѣны. Бѣдные земледѣльцы, вынужденные недостаткомъ, попадаютъ въ сѣти кулака и его патрона. Земледѣлецъ теряетъ, съ одной стороны, часть изъ установленной цѣны при пріемкѣ хлѣба въ видѣ „смарки“, и въ видѣ браковки хлѣба—съ другой. При существующихъ цѣнахъ въ настоящемъ году, въ 1 р. 20 к. съ доставкой, крестьянину придется не добрать около одной шестой части въ видѣ уступки кулаку и хозяину крупчатки; въ августѣ прошлаго года выдавали всего 50 к. впередъ подъ пудъ пшеницы, слѣдовательно—земледѣлецъ платилъ

*) Напр., чиновникъ, нетерпимый или гонимый въ Восточной Сибири, находитъ пріютъ въ Западной, и наоборотъ.

20 к. за пользованіе полтиною въ теченіе полугода, т. е. 40%. Но это еще милостиво. При покупкѣ практикуется искусственное возвышеніе цѣны, когда дорога начинаетъ портиться; при самой пріемкѣ, пускаютъ въ ходъ всевозможныя предосудительныя вещи. Одинъ крестьянинъ деревни Каменки привозитъ пшеницу упомянутому Д—му. Пріемщики не соглашаются платить объявленную цѣну подъ разными предлогами: зерно тощее, сыровато, трава есть и т. п.; а бѣдный мужикъ, заѣхавшій съ возами на крупчатку, не можетъ уже уѣхать назадъ и принужденъ поплатиться за свою довѣрчивость. У одного бурята было куплено нѣсколько тысячъ пудовъ пшеницы такимъ образомъ. Привозитъ бурятъ нѣсколько сотъ пудовъ пшеницы на крупчатку Д—му; узнавъ, что у бурята еще есть нѣсколько тысячъ пудовъ, Д—вскій покупаетъ привезенную пшеницу по высокой цѣнѣ и обѣщаетъ остальную принять по той-же. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время бурятъ привозитъ остальную, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ, пшеницу, и тутъ-то примѣняютъ при пріемкѣ всѣ тонкости искусства. Злополучному буряту нѣтъ разсчета увозить обратно пшеницу, и со словами „киршинъ шамай“, онъ вынужденъ согласиться на невыгодныя условія. Этихъ, такъ сказать, коммерческихъ уловокъ недостаточно. Практикуются самыя тонкія мошенническія штуки при взвѣшиваніи хлѣба: вставляются трехгранныя иглы, чтобъ задержать правильное колебаніе вѣсовъ, подставляются стержни подъ доску, чтобъ воспрепятствовать вѣсовымъ гирямъ сильно падать до земли и т. п. „Ничего не подѣлаешь“, говорятъ крестьяне: „обступятъ вѣсы, одинъ держитъ за цѣпь, другой мѣшаетъ ногою, третій преждевременно сбрасываетъ гири и уже записываетъ вѣсъ“. Такимъ образомъ, не бойкій, смирный крестьянинъ, или же робкій инородецъ теряютъ около 2-хъ п. съ каждаго воза. Теперь уже опытные не льстятся фиктивною высокою цѣною, поднимаемою Д—вскимъ; везутъ только одни бѣдняки и несутъ добровольно, если можно такъ выразиться, свои кровные гроши къ ненасытному эксплуататору. Не имѣя, гдѣ позаимствовать въ тяжолое время, вслѣдствіе отсутствія какихъ бы то ни было ссудныхъ кассъ для крестьянъ, громадное большинство роковымъ образомъ является жертвой разныхъ Д—вскихъ и другихъ кулаковъ-міроѣдовъ, русскихъ и здѣшнихъ поляковъ.

ВЪ ГОРАХЪ ДАРВАЗА-КАРАТЕГИНА.

(На верховьи Аму-Дарьи).

По представленію начальника зеравшанскаго округа, генералъ-маіора Иванова, съ разрѣшенія и. д. туркестанскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта Колпаковскаго, чрезъ сношеніе съ бухарскимъ Эмиромъ Музафаръ-ханомъ, въ началѣ 1882 года мнѣ была предоставлена поѣздка въ юго-восточныя бекства этого ханства, для пополненія этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о немъ.

Выступивъ изъ Самарканда 20 марта, имѣя съ собою секретеря, г. Введенскаго, для официальной переписки, переводчика Джалаль-Этдина Камалединова и 10 конныхъ джигитовъ изъ самаркандскихъ туземцевъ, я проѣхалъ чрезъ Китабъ и Шахрисябзъ въ Карши, гдѣ, послѣ личной аудіенціи, выяснивъ Эмиру цѣль своей поѣздки и предположенный маршрутъ, окончательно заручился и согласіемъ Музафаръ-хана, и обѣщаніемъ полнаго вездѣ содѣйствія, которымъ дѣйствительно пользовался и за которое приношу мою глубокую признательность Эмиру. Мой путь шелъ изъ Каршишелъ, чрезъ Бухару, въ Чорджуй и отсюда вверхъ по Аму-Дарьѣ, чрезъ бекства Наразымъ, Бордалыкъ, Керки, Келифъ, Ширабатъ, Кободіанъ, Курганъ-тюбе, Кулябъ, Бальджуанъ, Дарвазъ, Каратегинъ, Хисаръ, Бойсунъ и Гузаръ. При знаніи языковъ тюркскаго и персидскаго, при достаточномъ навыкѣ къ разспросамъ туземцевъ, имѣя опытныхъ развѣдчиковъ изъ самаркандцевъ и пользуясь содѣйствіемъ бухарскихъ властей, мнѣ удалось собрать весьма полныя этнографическія, статистическія и экономическія свѣдѣнія въ пройденныхъ бекствахъ. Занимаясь теперь разработкою этихъ свѣдѣній, для составленія описанія современнаго состоянія бухарскаго ханства, я представляю пока вниманію общества описаніе наименѣе извѣстныхъ, во всѣхъ отношеніяхъ, восточныхъ странъ Дарваза и Каратегина, занимающихъ верховье рѣкъ Пянджа и Сурхъ-об *). Не станемъ описывать здѣсь весь пройденный путь южной и восточной частей ханства, такъ какъ онъ извѣстенъ изъ прекраснаго очерка **) Н. А. Маева, а ограничимся сообщеніемъ свѣдѣній о пути, ведущемъ изъ Кулябa, чрезъ Бальджуанъ, въ Дарвазъ и Каратегинъ. Сдѣлавъ въ одинъ день, безъ привала, переходъ въ 80 верстъ отъ урочища Ташъ-рабатъ, чрезъ горный кряжъ Джилоны-тау (змѣиная гора)—водораздѣлъ рр. Вахшь и Кызылъ-су (Кчи-Сурхъ-об), съ роскошной пастьбой и рощами фисташковаго дерева, состоящими въ общественномъ пользованіи обширной промышленности добычей фисташекъ и красильнаго бузъ-гунчь,—къ вечеру 12 мая мы добрались до селенія Гуль-багъ, на правомъ берегу Кызылъ-су. Этотъ переходъ былъ очень утомителенъ и для людей, и для лошадей, благодаря постояннымъ подъемамъ и спускамъ, отсутствію на всемъ пути воды, кромѣ глинистой рѣченки Топръ, пересѣкающей дорогу на сороковой верстѣ отъ Ташъ-рабата. Чувствовалась всѣми потребность въ отдыхѣ, и такъ какъ Гуль-багъ, разбросанный группами жилищъ по берегу рѣки, не представлялъ необходимыхъ удобствъ, то мы и оставили его на другое же утро, чтобы расположиться въ Кулябѣ—резиденціи бека, бывшей столицѣ самостоятельнаго хана Соры-хана. Переѣздъ до Кулябa въ 22 версты, обойдя небольшой междурѣчный кряжъ Сарѣ-Тизъ съ соляными ломками, представлялъ не мало затрудненій, потому что этотъ единственный путь въ Кулябъ пересѣкаетъ протоки рр. Кызылъ-су и Яхъ-су, которые, соединившись въ 15 верстахъ ниже Гуль-багa, у подошвы соляной горы Хожъ-Муминъ, впадаютъ подъ именемъ Кызылъ-су въ Аму-Дарью, близъ селенія Саятъ, въ южной части кулябскаго бекства. Обѣ рѣки эти несутъ въ этомъ мѣстѣ, противъ Кулябa, весьма много воды и представлялись бы очень значительными, еслибъ природа не разбила ихъ на множество протоковъ съ пологими берегами, поросшими кустарникомъ, камышемъ и обильной травой, укрывающими лѣтомъ массы кабановъ и тигровъ, а зимою—кочевыя стойбища скотоводовъ корлыковъ и узбековъ, спускающихся сюда въ октябрѣ мѣсяцѣ съ горъ Кулябa и Бальджуана. Переправившись на лѣвый берегъ Яхъ-су и пройдя нѣсколько небольшихъ поселковъ, живописно окутанныхъ зеленью плакучей ивы, вѣковыхъ чинаровъ, раскидистыхъ виноградниковъ и серебристой джигды, мы поднимались пологими низкими холмами величайшаго водораздѣльнаго хребта Имамъ-оскаръ. На этихъ холмахъ, въ 5-ти верстахъ отъ берега Яхъ-су, на горныхъ ключахъ Кулябъ-дарья, дающихъ цѣлую сѣть арыковъ, пріютился Кулябъ съ небольшой глиняной крѣпостью, съ роскошными фруктовыми садами и виноградниками, съ типичными постройками при двухскатныхъ камышевыхъ крышахъ, съ небольшимъ, довольно грязнымъ базаромъ. Городъ въ 460 дворовъ весь разбросанъ въ садахъ, прорѣзанъ широкими улицами и арыками для поливки усадебныхъ пашенъ, которыхъ, впрочемъ, не особенно много, потому что главное занятіе кулябцевъ составляетъ шелководство, ткачество превосходной шелковой алачи для халатовъ, торгашество мѣновое и съ денежными знаками, въ которыхъ преобладаетъ издавна старинная мѣдная русская монета, неизвѣстно какъ и откуда забравшаяся только въ Кулябъ. Значительная часть кулябцевъ, какъ

---

*) Статья «Дарвазъ и Каратегинъ» будетъ напечатана въ непродолжительномъ времени. *Авт.*

**) См. «Ежегодникъ туркестанскаго края» за 1879 годъ.

типичныхъ таджиковъ съ чисто персидской рѣчью, такъ и узбековъ колѣна Кессемиръ, занимается также и скотоводствомъ, выселяясь на лѣто изъ лихорадочнаго городского и кишлачнаго побережья въ восточныя, ближайшія горы вѣчно снѣжнаго хребта Камарау-Имамъ-оскаръ, тянущагося отъ верховьевъ лѣваго берега Яхъ-су до Аму-Дарьи. Обилiе водныхъ ключей и роскошной травы на этихъ горахъ, съ постоянной прохладой, притягиваетъ сюда на лѣтовки и осѣдлыхъ, и кочевыхъ жителей долинъ Кызылъ-су и Яхъ-су, отличающихся крайне нездоровымъ климатомъ съ сильной жарой, съ болотными испареніями отъ тогаевъ и рисовыхъ полей, порождающими злокачественныя ревматическія лихорадки и всякія болѣзни. Оттого, лѣтомъ, кулябскіе кишлаки изъ камышевыхъ коническихъ кибитокъ (канпа), вмѣсто построекъ, представляются совершенно безлюдными, и если встрѣчаются въ нихъ 5—10 человѣкъ мужчинъ, то это или рабочій людъ, остающійся для поливки рисовыхъ полей, или же недавніе переселенцы, неотвѣдавшіе еще табата ревматической лихорадки и съ жадностью набросившіеся на хлѣбопашественное приволье съ тучной, свободной для всѣхъ землей. Тотъ же характеръ безлюдья въ селеніяхъ носитъ и путь въ 64 версты отъ Кулябa до Бальджуана, идущій сначала, верстъ 15, правымъ берегомъ Яхъ-су, по небольшой возвышенности Саръ-тизъ, пересѣкая на 35 верстѣ ручей Узунъ-ахуръ, вливающійся въ Яхъ-су на высотѣ Гуль-бага. Все это обширное нагорье въ 160 верстъ поперечника, съ горнымъ плато Доггора, благодаря близости подпочвенной воды, запахивается ранней весною и въ началѣ мая пшеницей, ячменемъ, льномъ, хлопкомъ, кунджутомъ и огородиной, дающими, при одной вспашкѣ послѣ высѣва, обильный урожай въ самъ 25—50. Свободной земли на этомъ нагорьи такъ много однако, что она даетъ и прекрасныя пастьбы для овецъ, для рогатаго скота и для значительныхъ конскихъ табуновъ скотоводовъ узбековъ обширнаго Бальджуанскаго бекства. Самый Бальджуанъ—резиденція бека—представляетъ горный поселокъ въ 300 дворовъ, съ небольшой цитаделью на правомъ берегу р. Кызылъ-су, при впаденіи въ нее значительной горной рѣчки Талхокъ *, берущей начало въ 30 верстахъ на сѣверъ отъ Бальджуана, при селеніи Муй-рокъ, жители котораго исключительно занимаются разработкою мѣстныхъ свинцовыхъ рудниковъ **).

Бальджуанцы, таджики и узбеки довольно зажиточны, потому что, имѣя свое значительное хлѣбопашество, занимаются также дешевой скупкою пшеницы, ячменя и льна, отправляемыхъ на продажу въ Карши, чрезъ Душанье, Миръшадъ, Дербентъ и Гузаръ (8 дней пути). Послѣ достаточнаго отдыха въ Кулябѣ, намъ незачѣмъ было оставаться долго въ нездоровомъ Бальджуанѣ, и мы, воспользовавшись два дня любезнымъ гостепріимствомъ бека, заслуженнаго генерала (датха) Рахманкулъ-бека, и собравъ необходимыя свѣдѣнія о бекствѣ, отправили усталыхъ вьючковъ на отдыхъ въ Файзабатъ и рано утромъ выступили, совершенно на легкѣ, безъ всякихъ ягтановъ (вьючные азіятскіе кожанные сундуки), для путешествія въ Дарвазъ, который рисовали намъ до крайности трудно проходимымъ въ этотъ періодъ, когда скалистыя горы сбрасываютъ снѣжныя обвалы (тарна), закрывая окончательно путь на нѣсколько недѣль. Дорога въ Дарвазъ изъ Бальджуана считается все же лучшею, чѣмъ изъ Куляба, и намъ пришлось ее предпочесть, хотя послѣдній путь и короче.

Перейдя въ одной верстѣ отъ крѣпости три протока Кызылъ-су (кичикъ Сурхъ—объ), сопровождающейся на лѣвомъ берегу снѣжнымъ хребтомъ Дарвазіонъ, мы поднялись далѣе по ея притоку Хавалынгъ ***), надъ которымъ громоздится съ юга нагорье Санджидыкакъ и Койку, отдѣляющее эту послѣднюю рѣку отъ Яхъ-су, съ сѣвера гряды Пишиты-Дарвазіонъ. Довольно сносная для конниковъ дорога тянется частью по горамъ глинисто-песчаной почвы, достаточно обработанной, съ группами дико ростущихъ чинаровъ, яблонь, дулона и карагача, а частью идетъ тропинкой по высокимъ берегамъ Хавалынга, занятымъ поселками въ 20—40 дворовъ, окутанными искуственными садами съ виноградникомъ, грушей, яблоней, миндальными и орѣховыми деревьями. До селенія Хавалынга въ 500 дворовъ, съ базаромъ и роскошной чинаровой рощей, гдѣ у насъ первый ночлегъ, сельскія постройки носятъ тотъ же типъ легкихъ сакель съ двухскатными крышами, какъ и въ Кулябѣ, а зажиточность населенія не уступаетъ Бальджуану, къ которому относится этотъ горный раіонъ верховьевъ рр. Хавалынга и Яхъ-су. Оставивъ рано утромъ Хавалынгъ съ его одноименной, семидесяти-верстной рѣчкой, истокъ которой вѣнчается бѣлоснѣжной горой Хазреты—Султанъ, и взявъ направленіе на юго-востокъ, мы поднимались 12 верстъ невысокимъ плоскогорьемъ Санджиды и вышли на правый берегъ Яхъ-су. Отсюда до поселка Соры-пуль, гдѣ назначенъ ночлегъ, 8 верстъ дорога вьется по крутому высокому берегу, чащей густого кустарника барбариса, шиповниковъ, боярышника и джигды, перемѣшанныхъ съ серебристымъ тополемъ и дуловой, поднимающимися отдѣльными рощицами до самыхъ высшихъ точекъ нагорья, по которому лѣпятся небольшіе кишлаки и пашни ихъ.

Г. Арендаренко.

Самаркандъ.

(*Продолженіе будетъ*).

*) На 40-верстной картѣ Туркестанскаго воен. округа, Бальджуанъ показанъ на лѣвомъ берегу, а р. Талхокъ вовсе не обозначена.

**) Добываемый здѣсь прекрасныхъ качествъ свинецъ переливается въ плитки и везется въ Карши, гдѣ его продаютъ въ казну и частнымъ лицамъ по 4 р. 60 к. за пудъ.

***) Заявленіе г. Маева на стр. 215 ст. «Очерки Гисарскаго края» (Ежегодникъ 1889 г.), что р. Хавадынгъ не существуетъ, вполнѣ не вѣрно.

ОЧЕРКИ ВЕРХОЯНСКАГО ОКРУГА.

«Земля наша велика и обильна...»

Лѣтопись **Нестор**а.

I.

Немногіе въ Европейской Россіи знаютъ про существованіе рѣки Яны, а между тѣмъ, это—большая рѣка, имѣющая въ длину около двухъ тысячъ верстъ. Лѣтомъ этого года, мнѣ довелось путешествовать по ней внизъ, отъ г. Верхоянска до самаго впаденія ея въ Ледовитый Океанъ,—тысячи полторы верстъ.

Отроги яблоннаго хребта наполняютъ собою всю юго-восточную часть Якутской области и придаютъ этой части, въ весьма значительной степени, характеръ горной страны. Одинъ изъ такихъ отроговъ, наполняющій собой бо́льшую часть Верхоянскаго округа, носитъ названіе Верхоянскаго Хребта. Его высшая точка находится на границѣ Верхоянскаго и Якутскаго округовъ, верстахъ въ 200 отъ гор. Якутска: здѣсь хребетъ достигаетъ вышины около версты, и перевалъ черезъ него, особенно въ зимнее время, обходится въ довольно дорогую цѣну, которою вы покупаете незавидное право вступить въ предѣлы одной изъ нашихъ сѣверныхъ пустынь, именуемой Верхоянскимъ округомъ. Здѣсь-то, съ этого высшаго пункта Верхоянскаго хребта, и беретъ свое начало р. Яна.

Въ своихъ верьховьяхъ, Яна—рѣка не широкая; даже въ гор. Вѣрхоянскѣ она имѣетъ въ ширину не болѣе сотни саженъ и къ концу лѣта на половину пересыхаетъ. Но чѣмъ дальше на Сѣверъ, тѣмъ она становится все шире, достигая у Устьянска (лежащаго въ 200 верстахъ отъ Ледовитаго моря) около версты весною и лѣтомъ; къ концу послѣдняго, она

разливается, мѣстами весьма широко,—верстъ на 5 и болѣе. Въ Ледовитый океанъ Яна впадаетъ тремя рукавами, изъ коихъ главный—Мурашъ, составляющій продолженіе главнаго русла Яны, считается самымъ удобнымъ для плаванія.

Плаваніе отъ г. Верхоянска, внизъ по Янѣ, до Устьянска (или еще далѣе) составляетъ чрезвычайное, исключительное событіе, и въ лѣтописяхъ исторіи этой рѣки упоминается только о двухъ подобныхъ случаяхъ: лѣтъ семь тому назадъ, изъ Верхоянска проплылъ благополучно въ Устьянскъ, по дѣламъ службы, фельдшерскій ученикъ А. К. въ небольшой якутской „вѣткѣ“; а затѣмъ, въ нынѣшнемъ году, совершила свое плаваніе изъ Верхоянска до самаго Ледовитаго океана та лодка, на которой, въ числѣ другихъ, находился и я.

Несмотря на всѣ наши разспросы, мы не могли добиться отъ упомянутаго А. К. никакихъ сколько-нибудь точныхъ, подробныхъ указаній на счетъ фарватера Яны; все, о чемъ онъ ясно помнилъ, это—ея порогъ, лежащій въ 200-хъ верстахъ отъ Устьянска. Этотъ порогъ онъ рисовалъ намъ очень опаснымъ и говорилъ, что якуты обходятъ его всегда въ вѣткахъ, лѣвымъ берегомъ (порогъ—у праваго берега), но никогда не рѣшаются обходить въ лодкахъ, ибо лодкой гораздо трудвѣе управлять и ее можетъ втянуть въ водоворотъ страшнаго порога. „А порогъ такой, что бревна ставитъ торчкомъ вверхъ“—добавлялъ онъ: „шумъ отъ него слышенъ за 10 верстъ“.

Съ такими-то скудными указаніями, запасшись всякаго рода провизіей, тронулись мы въ путь. Имѣйте при этомъ въ виду, что никто изъ насъ ничего почти не смыслилъ въ дѣлѣ рѣчного плаванія: мы знали только то, что знаетъ обыкновенный диллетантъ, которому кой-когда довелось „кататься“ въ лодкѣ, самому гребя или управляя рулемъ. Не безъ безпокойства, поэтому, думалъ я о грядущихъ меляхъ, шиверахъ и „страшномъ“ порогѣ.

Мы выѣхали изъ Верхоянска въ полую весеннюю воду. Первые два дня, наша лодка стрѣлой неслась по быстрому теченію, дѣлая верстъ по 15 въ часъ, почти безъ всякаго содѣйствія веселъ; прибрежные деревья и лѣса быстро мелькали передъ глазами, напоминая о тѣхъ телеграфныхъ столбахъ, которые съ быстротою молніи проносятся передъ вами, когда вы мчитесь въ вагонѣ желѣзной дороги... Эти двое сутокъ мы плыли день и ночь, и сдѣлали верстъ 500. Потомъ начались мели и бури.

Мели въ Янѣ вовсе не такъ часты *), и, при знаніи фарватера, ничего нѣтъ легче, какъ ихъ обойти. При отсутствіи этого знанія, намъ приходилось очень часто садиться на мель, хотя лодка наша сидѣла всего на глубинѣ двухъ футовъ. Сниматься съ мели было нетрудно, хотя и крайне непріятно: обыкновенно, почти всѣ мы влѣзали для этого въ воду и, облегчивъ такимъ образомъ лодку, легко сдвигали ее съ мели. Иногда же этого бывало недостаточно, а приходилось не только людей, но и половину груза перевозить предварительно на берегъ, для чего у насъ имѣлась большая „вѣтка“.

Берега Яны окаймлены, на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, непрерывною цѣпью густыхъ лѣсовъ, въ которыхъ рѣдко-рѣдко ступала нога человѣческая—какого нибудь бродячаго тунгуса-звѣролова. Почва въ этихъ лѣсахъ кочковатая и насквозь пропитана водой. Мрачно и дико въ этихъ первобытныхъ лѣсахъ, погруженныхъ въ абсолютное молчаніе. И вотъ тутъ-то впервые и какъ-то наглядніе видишь всю силу, все историческое значеніе того дара, за который Прометея приковали къ скалѣ,—огня—этой первой ступени въ область цивилизаціи. Сидя у костра въ этомъ дикомъ лѣсу, чувствуешь себя бодрымъ, сильнымъ, внѣ когтей природы. Безъ огня, въ этихъ пустыняхъ человѣка ожидаетъ, конечно, лишь смерть... О, понятно, почему якуты (подобно множеству другихъ дикарей) еще такъ недавно боготворили огонь, почему даже до сихъ поръ они сохраняютъ явные слѣды этого поклоненія его могучей силѣ!

Не зная точно мѣстонахожденія, мы, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, старались всегда держаться лѣваго берега и прислушивались къ шуму воды и волнъ. Такъ-какъ намъ сказали, что шумъ отъ порога слышенъ за 10 верстъ, то мы рѣшили остановиться недалеко отъ него и предварительно изслѣдовать въ „вѣткѣ“, на сколько онъ, въ самомъ дѣлѣ, страшенъ и нельзя ли обойти его въ нашей лодкѣ. Разъ какъ-то, завернувъ за мысъ, мы вдругъ услышали необычный шумъ и ревъ: „Порогъ!“ воскликнули мы почти въ одинъ голосъ. — „Ударь!“ крикнулъ рулевой гребцамъ.—Нельзя ли пристать здѣсь къ берегу? спросилъ я у рулевого (мы, къ счастію, были у лѣваго берега).—„Развѣ не видите,—уже поздно, насъ тянетъ къ порогу“... послѣдовалъ отвѣтъ. Дѣйствительно, насъ съ страшною силою тянуло къ порогу, находившемуся саженяхъ въ 200-хъ; вся рѣка здѣсь, отъ одного берега до другого, волновалась. „Вотъ тебѣ и шумъ за 10 верстъ!“ но думалъ я. Гребцы напрягали всѣ силы... Минутъ черезъ 15 мы были внѣ порога и спокойно вздохнули...

Такъ какъ было половодье, то, вѣроятно, порогъ залило частью водой и, быть можетъ, поэтому шумъ его былъ слышенъ не за 10 верстъ, а за какую-нибудь $^1/_4$ версты, когда мы уже находились въ полной его власти и не имѣли никакой возможности ни остановиться, ни пристать къ берегу. Въ обыкновенное же время очень можетъ быть, что шумъ его и слышенъ за 10 верстъ.

Весело стало у насъ на душѣ, когда мы прошли этотъ порогъ.—„Ну, теперь уже ничто не помѣшаетъ намъ достигнуть устьевъ Яны“, говорили мы другъ другу. И дѣйствительно,—скоро достигли. Отъ порога до села Казачьяго считается около 250 верстъ, отъ Казачьяго до Устьянска — 30 верстъ, а отъ Устьянска до берега Ледовитаго океана—200 верстъ.

Казачье и Устьянскъ—чисто-рыбачьи поселенія; жители ихъ существуютъ и занимаются, главнымъ образомъ, рыбной ловлей. Рыба составляетъ почти исключительную пищу не только этихъ двухъ поселеній, но и всего инородческаго населенія (якутовъ и, частью, тунгусовъ) нижней Яны,—верстъ на 300 въ ширину, считая съ юга на сѣверъ (до самаго Ледовитаго моря). Въ Казачьемъ всего юртъ и домовъ 15, а жителей человѣкъ 100 обоего пола, преимущественно якутовъ; есть также нѣсколько русскихъ мѣщанъ, живущихъ тѣмъ же рыбнымъ промысломъ и мало чѣмъ отличающихся, по образу жизни и всѣмъ своимъ понятіямъ, отъ якутовъ; кромѣ того, есть, конечно, три или четыре русскихъ купца, и безпре-

*) Я вынесъ изъ этого плаванія убѣжденіе, что Яна вполнѣ удобна для *пароходства*, въ теченіе іюня, іюля и августа, на всемъ протяженіи отъ Верхоянска до Ледовитаго океана.

мѣнно имѣется, какъ вѣнецъ зданія, русскій улусный (волостной) писарь—царь приморской и всей Усть-янской земли... Да! царь своего рода... Нужно сказать, что, вообще, улусные писаря этихъ отдаленныхъ, глухихъ уголковъ не только не уступаютъ всероссійскому типу волостнаго писаря, но еще лучше и безнаказаннѣе послѣдняго умѣютъ обирать и давить несчастныхъ, холопски-смиренныхъ якутовъ. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Вотъ хоть бы этотъ самый устьянскій улусный писарь, живущій въ Казачьемъ (гдѣ находятся и всѣ общественныя и казенныя учрежденія улуса: управа, церковь, казенные хлѣбный и соляной магазины). Это пожилой, высокаго роста человѣкъ, борода и волосы довольно уже сѣдые; осанка у него величаво гордая. Разговорился я, однажды, съ однимъ тамошнимъ русскимъ мѣщаниномъ, зашла рѣчь и о писарѣ. Началъ онъ его хвалить: ужъ такой-то онъ добрый, хорошій, бѣднаго не только-что никогда не обидитъ, но и постоянно ему въ займы даетъ: табаку ли, чаю, денегъ ли—все безъ всякихъ процентовъ. „Ну, а богатыхъ, точно, нажимаетъ; да богатымъ купцамъ-то что!—у нихъ и такъ много!“ пояснилъ мой собесѣдникъ. Удивилъ меня такой отзывъ: что за притча? думаю: откуда взялся такой добродѣтельный писарь въ семъ отчаянномъ захолустьи? Вѣдь онъ не только писарь, но еще и русскій! А надобно вамъ сказать, что всѣ русскіе Верхоянскаго округа (отъ исправника до писаря, попа и поселенца) считаютъ своимъ неотъемлемымъ правомъ грабить и отчаянно эксплуатировать якутовъ и тунгусовъ, пользуясь ихъ глупостью. Заинтересовалъ меня этотъ писарь, и я рѣшилъ разузнать подробнѣе о немъ. Разъ какъ-то зашла рѣчь объ одной большой лодкѣ, пріѣхавшей въ Казачье недавно съ почтой.

— А лодку эту писарь подарилъ Николаю (Николаемъ звали того самаго мѣщанина, который расхваливалъ писаря),—сказалъ мнѣ однажды одинъ якутъ.

— За что-жъ такой подарокъ?

— Да вѣдь Николай у писаря въ шпіонахъ состоитъ, все ему и обо всемъ докладываетъ.

— А что за человѣкъ этотъ писарь?

— Вѣда! злой и гордый! Онъ скупаетъ у всѣхъ якутовъ мамонтовую кость. Коли какой якутъ не захочетъ продать ему за безцѣнокъ своей кости,—писарь сейчасъ запираетъ его въ караулку, подъ арестъ, и держитъ тамъ, пока тотъ не сдастся. Писарь всѣмъ заправляетъ, голова—совсѣмъ тряпка, писарю не перечитъ ни въ чемъ и безпрекословно повинуется ему; даже исправника писарь не боится. Въ прошломъ году пріѣзжалъ сюда исправникъ подати получать, а писарь, за нѣсколько часовъ предъ этимъ, узнавъ о имѣщемся пріѣздѣ, выѣхалъ отсюда. Исправникъ нѣсколькихъ нарочныхъ посылалъ къ нему, чтобы сейчасъ явился, но тотъ и не шевельнется: мнѣ, говоритъ, подати собрать надо,—а какія тамъ подати! Такъ-таки ни съ чѣмъ и уѣхалъ исправникъ! Послѣ него сейчасъ-же вернулся и писарь: ему просто не хотѣлось видѣться съ исправникомъ, боялся разныхъ разспросовъ... Опять же вотъ хоть бы теперь, напримѣръ: голодовка полная, не ловится рыба, люди голодные сидятъ и собакамъ ѣсть нечего; у иныхъ сабаки отъ голоду подохли... А у писаря, смотрите, три десятка жирныхъ собакъ, каждой собакѣ онъ въ день фунтовъ 5—6 рыбы даетъ,—человѣка бы прокормить можно. А откуда онъ рыбу эту самую беретъ? Съ общества, съ тѣхъ же якутовъ, которые сами не ѣвши сидятъ,—можетъ, фунта два рыбешки въ день съѣдаютъ!.. И беретъ даромъ, конечно! А собаки-то ему нужны для торговыхъ разъѣздовъ: онъ вѣдь торгуетъ здѣсь по всей мѣстности, далеко—и въ Русскомъ Устьѣ, и въ Ожогинскомъ, и на Аллаинѣ, — всюду; такъ вотъ, онъ, по ранней-то зимѣ, на откормленыхъ собакахъ верстъ по 200 въ сутки и откатаетъ!.. И во всѣхъ-то этихъ мѣстахъ—даромъ, что старикъ—у него есть по любовницѣ, и отъ каждой—ребятишки...“

Да, вотъ каковъ писарь-то—настоящій панъ. Даже придворныхъ льстецовъ имѣетъ...

Забитъ и запуганъ русскій мужикъ, но онъ—человѣкъ въ сравненіи съ якутомъ. Боже! какъ рабски покоренъ, какъ холопски забитъ якутъ! Сердце обливается кровью, когда подумаешь о немъ: до какого униженія можно довести человѣка!.. Тяжелою печатью легло на инородца русское завоеваніе и владычество. Должно быть, эти дикія, страшныя сцены завоеванія, происходившія лѣтъ 250 тому назадъ, еще живо встаютъ передъ нимъ; онъ помнитъ этихъ завоевателей-казаковъ, сжигавшихъ цѣлыя деревни (наслѣги), рубившихъ безпощадно мужчинъ, женщинъ и дѣтей, насиловавшихъ женъ, обращавшихъ въ рабство мужчинъ... Каждый казакъ имѣлъ по нѣсколько наложницъ-якутокъ... И вотъ, даже теперь, якутъ считаетъ каждаго русскаго „господиномъ“ (тойіонъ)—отъ исправника до простого казака; понятія „русскій“ и „господинъ“—тождественны для якута,—до того тождественны, что у него рождаются самыя курьезныя представленія. Напр., нерѣдко слышалъ я отъ якутовъ такія рѣчи:

— Скажите, пожалуйста, въ Москвѣ (т.-е., по ихнему, въ Европейской Россіи) есть Якуты?

— Нѣтъ! отвѣчаю я: — тамъ ихъ никогда и не видали, и рѣдко кто знаетъ о нихъ...

— Кто же тамъ работаетъ, кто все дѣлаетъ, если якутовъ нѣтъ?

— Русскіе же; есть простые русскіе, которые тамъ также работаютъ, какъ якуты здѣсь.

— Нѣтъ, ты обманываешь! Русскій—господинъ, русскій не работаетъ!

Такія-то понятія о Россіи и русскихъ внушили якутамъ здѣшніе ея представители, которые, говоря безъ преувеличенія, по всѣмъ своимъ понятіямъ, нравамъ и обычаямъ, напоминаютъ Россію XVII столѣтія. Пріѣхавши сюда изъ Европейской Россіи, вы вдругъ попадаете какъ бы въ старинную, до петровскую Русь: начиная съ невѣжества, взяточничества и всякой грубости, и кончая самыми нелѣпыми суевѣріями и азіатской замкнутостью русской женщины,—все здѣсь на лицо въ самобытномъ видѣ. Повторяю, я нисколько не преувеличиваю. Здѣшнее русское „общество“ представляетъ такую смѣсь низменныхъ инстиктовъ невѣжества, грубости и хищничества, какую вы не найдете ни въ одномъ изъ самыхъ захолустныхъ уголковъ Европейской Россіи. Это нѣчто поражающее, невообразимое—живое XVII столѣтіе... *).

Л—

*) «Отвѣтственность на разсказчикѣ», прибавимъ мы подобно Рашидъ-Эдину. *Ред.*

ВѢЯНІЯ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНАГО ДѢЛА НА УРАЛѢ.

Въ полученномъ № 24 мѣстной газеты „Екатеринбургская Недѣля“ мы увидѣли слѣдующее обращеніе къ намъ. „Въ „Новомъ Времени“ и въ „Восточномъ Обозрѣніи“, говоритъ названная газета, помѣщены корреспонденціи изъ Екатеринбурга о томъ, какъ производилась заготовка бревенъ для Тюменской желѣзной дороги. Обѣ эти корреспонденціи мѣтятъ на то, чтобы бросить грязью въ лицъ, которыя заправляли дѣломъ заготовки бревенъ“.

Какъ видимъ, „Екатеринбургская Недѣля“ выражается довольно развязно. „Статьи эти вызвали толки въ нашемъ обществѣ—продолжаетъ она—такого рода, которые не могутъ не быть обидны для цѣлой серіи лицъ горнаго и лѣсного управленія въ г. Екатеринбургѣ.“ Эти толки „съ подмигиваньемъ на тему о дороговизнѣ заготовки“, какъ выражается „Екатер. Недѣля“, побудили ее великодушно взяться за защиту угнетенной невинности въ лицѣ подрядчиковъ, взявшихъ заготовку лѣса и желающихъ нагрѣть карманъ, причемъ она пожелала также уличить и корреспондентовъ—вѣщь, конечно, почтенная для представителя печати. Съ этою цѣлью, названный органъ, какъ самъ онъ сообщаетъ, началъ собирать различные слухи и старался провѣрить ихъ разсказами тѣхъ лицъ, которыя могли знать близко это дѣло, но которые не могли быть къ нему прикосновенными (оговорка необходимая въ данномъ случаѣ). И вотъ, результатомъ этихъ распросовъ и благого намѣренія явилась защита подряда. Мы не намѣрены передавать ее читателямъ въ подробностяхъ. Достаточно сказать, что „Екатеринбургская Недѣля“ старается доказать, что злоупотребленій не было, что заготовка производится по нормальной цѣнѣ, что барышей не получается, а напротивъ, какъ говорится, „себѣ въ убытокъ“ и т. д. Она силится сослаться на другихъ конкурентовъ, дававшихъ меньшую цѣну, а главное — увѣрить, что дѣло велось чисто и „взятки не было“.

Противъ такого разъясненія дѣла мы бы ровно ничего не имѣли, еслибъ оно руководствовалось истиной и искреннимъ стремленіемъ мѣстной печати говорить правду. Мы охотно дали бы мѣсто всякому разъясненію этихъ обстоятельствъ, уважая компетентность мѣстнаго органа. Если нашъ корреспондентъ былъ введенъ въ заблужденіе (но оказывается, что не нашъ одинъ), то намъ ничего бы не стоило сдѣлать поправку. Словомъ, мы являемся вовсе не такъ заинтересованными въ этой подрядной исторіи съ 75 коп., какъ думаетъ „Екатеринбургская Недѣля“; мы ничего общаго не имѣемъ съ подрядомъ, какъ и нашъ корреспондентъ, опубликовавшій фактъ, надѣлавшій шуму въ городѣ. Страннымъ въ этой исторіи можетъ показаться только то, почему здѣсь являются отражать обличеніе не сами лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ и уличаемыя въ гешефтѣ, если они невинны, а принимаетъ все это такъ горячо къ сердцу „Екатеринбургская Недѣля“. Что ей Гекуба? Развѣ она брала подрядъ? Впрочемъ, каждому органу предоставляется служить тѣмъ интересамъ и лицамъ, избрать которыхъ онъ вздумаетъ.

Но почтенная редакція этимъ не ограничилась: защита ея уже переходитъ границы приличія. Нападая на корреспонденціи, она говоритъ: „считаемъ себя въ правѣ сказать, что слухъ объ этой суетнѣ есть вымыселъ, пущенный какимъ-либо негодяемъ (деликатно!), который, судя, конечно, по себѣ, не можетъ себѣ представить возможности не цапнуть тамъ, гдѣ подрядчикамъ попали крупные „барыши“. Не свишкомъ ли сказано? И почему это всякій, разоблачающій взятки и злоупотребленія, судитъ только по себѣ? Что это за новое мѣрило? Къ чему эта злоба противъ обличенія и нетерпимость къ нему со стороны печатнаго органа, который самъ долженъ бы обличать злоупотребленіе?

Въ заключеніе, „Екатеринбургская Недѣля“ говоритъ:

„Жаль, что въ настоящемъ случаѣ печать сыграла не красивую роль клеветника, забросавъ грязью тѣхъ, кто того не заслуживалъ. Но утѣшаемъ себя тѣмъ, что то же публичное слово, которымъ злоупотребили негодяи, дало возможность снять пятно съ лицъ, не запятнавшихъ корыстными дѣяніями своей чести“.

Газета можетъ вполнѣ утѣшаться, а намъ остается недоумѣвать, къ какой партіи принадлежитъ этотъ мѣстный органъ, чьи интересы онъ защищаетъ и откуда его злоба?

Мы охотно вѣримъ на-слово увѣреніямъ „Екатеринбургской Недѣлѣ“, что ею двигаетъ одно безпристрастіе, но замѣтимъ, что самая газета, защищающая съ пѣной у рта екатеринбургскихъ подрядчиковъ, можетъ показаться подозрительной ея читателямъ: такъ можно защищать только куски, вырываемые изо рта. Мы не компетентны въ мѣстныхъ дѣлахъ, но почему же намъ слѣдуетъ вѣрить одной „Екатеринбургской Недѣлѣ“? Какое ея право на это довѣріе? Для этого мы должны прежде познакомиться и удостовѣриться, что это за честный органъ и правду ли онъ говоритъ.

Въ отвѣтъ на это, мы имѣемъ, между другими, слѣдующую мѣстную корреспонденцію изъ Екатеринбурга.

Вотъ что намъ пишутъ:

„**Екатеринбургъ.** Изданіе единственной нашей газеты „Екатеринбургская Недѣля“ перешло, наконецъ, формальнымъ образомъ въ руки ея редактора Штейнфельда, горнаго инженера, занимающаго должность главнаго механика горныхъ заводовъ. Г. Штейнфельдъ надѣется, что у него хватитъ времени выпускать газету гораздо чаще, нежели теперь, если только общество окажетъ ему содѣйствіе и сочувствіе. Мы ни мало не сомнѣваемся, что у нѣкоторыхъ горныхъ времени слишкомъ достаточно, ручаемся и за сочувствіе г. Штейнфельду всѣхъ горныхъ инженеровъ; но сочувствіе публики къ газетѣ врядъ ли возростетъ при г. Штейнфельдѣ, какъ издателѣ. Если „Екатеринбургскую Недѣлю“ поддерживали и даже, можно сказать, косвенно субсидировали до сихъ поръ заводскія и торговыя конторы, то это отчасти благодаря тому, что издательницей являлась дама, прилагавшая къ изданію значительную долю личнаго труда, содержавшая на своемъ попеченіи многочисленную семью и дорогихъ, сравнительно, редакторовъ. Нельзя не помянуть А. А. Волкову добрымъ словомъ и за то, что хоть по временамъ она смягчала рѣзкости личныхъ выходокъ своего редактора и умѣряла ретивость неумѣренныхъ поползновеній конторскихъ консерваторовъ.

Но впередъ газета станетъ еще болѣе, нежели до сихъ поръ, органомъ горнозаводскихъ конторъ (Увы! сбылись предсказанія) и, слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія, чтобы кто-либо, кромѣ конторъ и чиновниковъ, являлъ ей свое сочувствіе, сколько бы разъ въ недѣлю

она ни выходила. Публикѣ останется только сожалѣть, что не разрѣшаются въ Екатеринбургѣ другія изданія съ правомъ выхода хотя бы разъ въ двѣ недѣли. Нельзя не сожалѣть о сосредоточеніи источниковъ гласности на Уралѣ въ рукахъ чиновниковъ того вѣдомства, въ дѣйствія котораго слѣдовало бы именно внести побольше гласности. Кстати, идетъ ревизія на Уралѣ. Ревизора г. Кулибина ждутъ у насъ только 18-го числа, теперь онъ объѣзжаетъ другіе округа губерніи. По слухамъ, состоялись уже, при его участіи, проекты договоровъ объ отдачѣ въ аренду нѣсколькихъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Составилась даже компанія для арендованія у казны мотовилихинскихъ сталепушечныхъ заводовъ. Въ добрый часъ! Только не встрѣтится ли опять какихъ нибудь затрудненій къ осуществленію этого хорошаго дѣла. Необходима твердая послѣдовательность дѣйствій въ этомъ отношеніи, а ея-то и не видно. На ряду съ предположеніемъ сдать въ аренду казенные заводы, состоялось недавно постановленіе о передачѣ горныхъ лѣсовъ обратно въ горное вѣдомство, причемъ хотя и командируется на Уралъ весьма непріятный горнымъ хозяевамъ вице-инспекторъ лѣсного департамента, г. Новицкій, но смѣты подлежать будутъ veto такъ-называемаго главнаго начальника... Горные чины одержали здѣсь побѣду. Въ ожиданіи пріѣзда г. Кулибина, дѣлается усиленный розыскъ: кто авторъ корреспонденціи, сообщившей вкратцѣ исторію заготовленія бревенъ на шпалы для екатеринбурго-тюменской дороги, съ расходами на канцелярію по 75 копѣекъ съ каждаго бревна? Заподозрѣнъ служившій писаремъ у г. Новицкаго нѣкто П., благодаря тому, что онъ же сочинялъ и жалобы обойденнымъ подрядчикамъ въ министерство. Вѣроятно, г. Кулибинъ не оставитъ безъ разслѣдованія эту эпическую поставку бревенъ. Люди знающіе говорятъ, что съ бревна сошло на расходы гораздо болѣе 75 копѣекъ, но барыши подрядчиковъ отъ этого не увеличились. Балансъ все тотъ же.

Не мѣшало бы г. ревизору обратить вниманіе на грандіозное сооруженіе паровой мельницы г. Симанова. Кстати, она находится почти прямо противъ дома главнаго начальника и рядомъ съ дачей того же г. Симанова, на которой проводятъ вечера екатеринбургскіе жители. Давно уже многихъ гуляющихъ занимаетъ вопросъ, откуда это г. Симановъ получилъ лѣсъ для своихъ сооруженій? Интересно, въ самомъ дѣлѣ, какими клеймами онъ заклейменъ? Мы знаемъ, что у насъ есть услужливые землевладѣльцы, которые, въ затруднительныхъ для ближняго случаяхъ, клеймятъ лѣсъ своими клеймами и выдаютъ свидѣтельства, что лѣсъ купленъ у нихъ, хотя иногда въ нхъ отдаленныхъ и жиденькихъ дачахъ лѣсу такого сортамента и вовсе не бывало. Не у этихъ ли господъ купилъ лѣсъ и г. Симановъ? Изысканіе въ этой области было бы очень полезно. „Екатеринбургская Недѣля“ когда-то сильно горячилась по поводу отказа въ разрѣшеніи г. Симанову выстроить мельницу...“

Теперь для насъ стало ясно, почему редакція принуждена увѣрять такъ настойчиво въ своемъ безпристрастіи. Она защищаетъ, какъ видно, свою горную партію и старые горные порядки. Въ этомъ мы находимъ и объясненіе раздраженію редакціи. Для насъ, Сибиряковъ, событія, совершающіяся въ Екатеринбургскомъ горномъ вѣдомствѣ, совершенно аналогичны съ Алтайскими. Подобные же промыслы, та же организація ихъ и такіе же порядки. Взаключеніе, надъ Екатеринбургскими дѣятелями виситъ тоже ревизія, какъ и въ Алтаѣ. Понятны ихъ страхъ и злоба противъ печати. Разница только въ томъ, что барнаульская корпорація не создала себѣ печатнаго органа, а Екатеринбургская—выдвинула.

Намъ понятна также теперь и область компетенціи уральскаго органа, получившаго уже свою оцѣнку въ Поволжьѣ.

Что касается желѣзно-дорожнаго строительства на Уралѣ то всѣ страсти и инстинкты, разогрѣтые этою дорогою, весьма понятны. Еще бы около тепла, да не грѣться!

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

— Только-что англичане успокоились на счетъ дѣйствія французовъ на Мадагаскарѣ, какъ ихъ встревожилъ новый слухъ, донесшійся съ западныхъ береговъ Африки. Было передано, что образъ дѣйствій французскаго коменданта въ Габунѣ вызвалъ сильное раздраженіе среди живущихъ тамъ англійскихъ купцовъ. Имъ было воспрещено ввозить и держать оружіе и боевые потроны, за ослушаніе нѣкоторые уже оштрафованы. Такія мѣры вызвали будто бы и со стороны туземцевъ вражду къ англичанамъ. Англійскіе миссіонеры, съ своей стороны, жалуются на французскихъ властей, которыя требуютъ, чтобы преподаваніе въ школахъ происходило на французскомъ языкѣ. Все это вызываетъ волненіе въ англійской палатѣ, которое отзывается даже на внесенномъ проектѣ Лессепса о прорытіи втораго Суэзскаго канала. Англійское правительство заключило съ Лессепсомъ договоръ, которымъ обезпечивается участіе англичанъ въ предпріятіи. Въ палатѣ же не довольствуются этимъ и требуютъ внесенія въ договоръ слѣдующихъ пунктовъ: чтобы пошлины, которыя будутъ взиматься на новомъ каналѣ, были значительно понижены; чтобъ число англійскихъ директоровъ было увеличено для обезпеченія имъ большинства въ совѣтѣ правленія; чтобъ мѣстопребываніе общества было какъ въ Парижѣ, такъ и въ Лондонѣ, и чтобъ общество было подчинено англійскимъ законамъ. Вслѣдствіе этого, въ совѣтѣ англійскихъ министровъ постановлено немедленно командировать Риверса и Цильсоса въ Парижъ, для переговоровъ съ Лессепсомъ относительно соглашенія на счетъ Суэзскаго канала. Брэдло вызываетъ въ парламентскаго пристава.

— Во французской палатѣ депутатовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ Шальмель-Лакуръ заявилъ, что въ Тонкинѣ, на берегахъ Красной рѣки, сосредоточены теперь силы, вполнѣ достаточныя для предотвращенія новой катастрофы вродѣ злополучной вылазки, въ которой погибъ капитанъ Ривьеръ. На вопросы нѣкоторыхъ членовъ палаты о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ правительства относительно Тонкина, получился отвѣтъ, что въ случаѣ, если серьезныя событія произойдутъ во время парламентской вакаціи, правительство не упуститъ созвать палату въ чрезвычайную сессію. Въ Парижъ пріѣхали ко дню національнаго праздника 150 венгерскихъ писателей и художниковъ. Депутація эта сочла своею обязанностію посѣтить Виктора Гюго. Маститый поэтъ былъ тронутъ, и въ рѣчи, обращенной къ посѣтителямъ, между прочимъ высказалъ: „вы, венгерцы, подобно намъ боролись за свободу, истину, за человѣчество,—вотъ почему васъ, венгерцевъ, я встрѣчаю, какъ братьевъ; для меня нѣтъ народовъ, нѣтъ границъ, но есть люди, которые борются за свободу“. За завтракомъ у поэта, точно также, какъ и на вечернемъ венгерскомъ банкетѣ были высказаны со стороны французовъ и венгерцевъ взаимныя симпатіи и уваженія. Выраженія венгеро-французской симпатіи напоминаютъ собою

италіано-французскія рѣчи и, по всей вѣроятности, произведутъ въ Австріи неменьшій переполохъ. Графъ Шамборъ близокъ къ концу; по слухамъ, его завѣщаніемъ назначается универсальной наслѣдницей графиня Шамборъ; художественныя коллекціи, историческіе бумаги и суммы, необходимыя для выдачи различныхъ пенсіоновъ, переходятъ къ графу Парижскому. Эти пенсіоны простираются до 250,000 фр. ежегодно. Племянники и племянницы Шамбора, равно, какъ и король Неаполитанскій, получаютъ по 50,000 фр. въ годъ, а по смерти графини Шамборъ—соотвѣтствующій капиталъ. Каждому изъ принцевъ, графъ Шамборъ завѣщалъ какой-нибудь предметъ, имѣющій историческое значеніе.

— Холерная эпидемія въ Египтѣ охватываетъ все большія пространства территоріи. На судахъ, выходящихъ въ Европу изъ Александріи, Каира и др. портовъ, были единичные холерные случаи.

— Вожаки албанскихъ племенъ обратились къ представителямъ державъ въ Скутари съ воззваніемъ, въ которомъ они излагаютъ варварское обращеніе турецкихъ войскъ и просятъ, чтобы было заключено десятидневное перемиріе, гарантированное иностранными державами.

— Австрійскія нѣмецкія газеты, вслѣдствіе славянской побѣды на выборахъ, обвиняютъ австрійское правительство въ реакціи, въ стремленіи угнѣтать нѣмцевъ, въ стачкѣ съ клерикальною партіею, отличающеюся фанатизмомъ, что грозитъ опасностію австрійской конституціи. Такой маневръ не остался безъ отвѣта со стороны офиціозной берлинской „Сѣверо-германской Газеты“. Она, въ свою очередь, не преминула прочитать правоученіе нѣмецкимъ либераламъ, выразивъ, что близорукость и властолюбіе нѣмецкихъ либераловъ, какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, ихъ отказъ въ поддержкѣ правительства, ихъ требованія, чтобъ правительство отказалось отъ монархической системы и перешло къ системѣ парламентскаго управленія,—побудили правительство Германіи и Австріи искать сближенія съ другими партіями. Насколько ходульны мнѣнія, какъ вѣнскихъ, такъ и берлинскихъ газетъ, очевидно само собою. Славянскій элементъ въ Австріи протягиваетъ руку нѣмецкому, приглашая общими силами содѣйствовать процвѣтанію общаго отечества.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

—Опровергнутое „Новымъ Временемъ“ извѣстіе о предполагавшемся экстренномъ собраніи гласныхъ городской думы по вопросу о неутвержденіи М. М. Стасюлевича въ должности товарища городского головы, вполнѣ оправдалось. Собраніе это состоялось вчера, 6-го іюля, и носило характеръ частнаго совѣщанія. Послѣ оживленныхъ преній, продолжавшихся болѣе трехъ часовъ, рѣшено назначить для окончательнаго обсужденія вопроса экстренное собраніе городской думы въ среду, 13-го іюля.

— Въ „Газетѣ Гатцука“ напечатано:

«Не обращать вниманія на катковскія инсинуаціи и его «слово и дѣло» нельзя уже потому, что шайкѣ Каткова удалось распустить слухъ, будто бы при дворѣ читаютъ только его газету, что его мнѣніями и указаніями руководится правительство. Катковъ ловко самымъ дѣломъ поддерживаетъ этотъ слухъ, печатая иногда дѣйствія и распоряженія правительства прежде, чѣмъ они появляются въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», или, получивъ отъ агентовъ своей шайки вѣсти о намѣреніи правительства, онъ подготовляетъ русское общество въ слѣдуемомъ тонѣ, какъ бы дѣйствуя по предварительному соглашенію съ правительствомъ, и потомъ съ торжествомъ заявляетъ: «Мы говорили о такой-то мѣрѣ... мы настаивали на необходимости, и вотъ, наконецъ...» И въ обществѣ слагается очень странное и упорное мнѣніе, будто тайный совѣтникъ Катковъ есть въ дѣйствительности тайный совѣтникъ и руководитель. Общество видитъ, что, въ самомъ дѣлѣ, ему сходятъ съ рукъ такія выходки противъ правительства, противъ высшихъ государственныхъ учрежденій и лицъ, такія нарушенія законовъ о печати и простыхъ приличій по отношенію дѣйствій правительства, которыя рѣшительно недопустимы даже при полной свободѣ печати; видитъ оно, что всѣ газеты и журналы, противъ которыхъ г. Катковъ начнетъ изливать свой ядъ, свое «слово и дѣло», жестоко караются: сталъ кричать онъ противъ газеты г. Спасовича „Порядокъ“—и „Порядка“ не стало, затянулъ свою пѣснь противъ „Страны“—и „Страна“ понесла кару и ликвидировалась, борецъ противъ катковщины „Голосъ“ вынужденъ надолго замолкнуть, „Московскій Телеграфъ“ оборванъ и снятъ, „Русскій Курьеръ“ не разъ задерживался на 3 мѣсяца и теперь едва плетется; сталъ Катковъ кричать противъ Щедрина—примолкъ и щеррый на сатиру Щедринъ...

Это видитъ общество только въ одной прессѣ; по министерству же народнаго просвѣщенія видитъ оно еще болѣе поразительные факты, по духовному вѣдомству то же; видитъ наконецъ, что взывающій о „властной рукѣ“ г. Катковъ самъ своею рукою властною нарушаетъ законы, смѣется и ругается надъ властью и дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ безнаказанно.

При такихъ обстоятельствахъ публикѣ поневолѣ приходится вѣрить слухамъ; но честнымъ органамъ печати не приходится отмалчиваться и тѣмъ, съ одной стороны, оставлять въ заблужденіи обманываемую публику, съ другой стороны, своимъ молчаніемъ допускать, чтобы въ правительственныхъ сферахъ могло составиться убѣжденіе, будто бы газета г. Каткова служитъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, хотя бы какой либо части русскаго общества, а не орудіемъ запугиванія и обмана для водворенія и поддержанія недовѣрія, для произведенія въ Россіи той мутной воды, въ которой, по пословицѣ, лучше рыбу ловить.

Надняхъ онъ заподозриваетъ какъ революціонера, какъ государственнаго реформатора, нашего московскаго голову, г. Чичерина, за то, что тотъ на обѣдѣ головъ въ „Московскомъ трактирѣ“, во время коронаціонныхъ празднествъ, въ такой священный моментъ, не кричалъ „молитвенное ура“ (удивительное выраженіе, употребленное въ „Моск. Вѣд.“ при описаніи въѣзда Ихъ Величествъ въ Москву), а осмѣлился разсуждать о своихъ дѣлахъ, о гражданскихъ нуждахъ Россіи; недавно заподозривалъ въ томъ же суды и судей до прав. сената включительно, заподозривалъ министровъ лично и министерства въ цѣломъ ихъ составѣ, земскихъ дѣятелей и цѣлыя земства, руководителей воспитанія юношества, учебныя заведенія, наипаче же университеты и все учащееся въ нихъ юношество поголовно... О печати и говорить нечего: всѣ газеты, кромѣ „Моск. Вѣдомостей“ и кабацкаго „Моск. Листка“, всѣ журналы, кромѣ „Русск. Вѣстника“, имъ давно заподозрѣны: интеллигенція (дворянство же въ сольшинствѣ, только не именитое) заподозрѣно поголовно въ развращенности (№ 172 „Моск. Вѣд.“). Словомъ, это какое-то поголовное заподозрѣніе всѣхъ и вся, порывы маніака водворить какую-то бироновщину, какой-то терроръ поголовныхъ подозрѣній.

Молчать нельзя. Молчаніе примется, пожалуй, за знакъ согласія. Во что бы ни стало необходимо разоблачить, что г. Катковъ никакъ не правительственное лицо, или не такой совѣтчикъ, систему котораго приняло правительство и осуществляетъ по его указанію. Онъ сказываетъ на всѣхъ „слово и дѣло“,—словомъ и дѣломъ должно доказать, что онъ лжетъ въ руку недруговъ Россіи и ея царя; что онъ, изъ за маніи безумца, или изъ за личныхъ цѣлей, распубликовываетъ на всю Европу небылицы о крамолѣ, яко бы расшатывающей Россію, о революціонномъ настроеніи интеллигенціи, юношества, печати и пр. и тѣмъ подрываетъ значеніе Россіи въ сонмѣ мнѣнія европейскихъ державъ, когда въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, когда печать, интелегенція, земства, городское представительство, только и мечтаютъ, только и молятъ о томъ, чтобы голосъ русскаго народа могъ доходить до русскаго царя неискаженнымъ, не въ видѣ „молитвенныхъ ура“, а въ видѣ члено-раздѣльныхъ выраженій дѣйствительной мольбы о его нуждахъ“.

— „Новости“ передаютъ, что недавно утверждено положеніе о ташкентской женской гимназіи,. Гимназія эта будетъ содержаться на счетъ суммъ, назначаемыхъ для сего въ распоряженіе туркестанскаго генералъ-губернатора, и суммъ, взимаемыхъ за ученье.

— Та же газета слышала, что товариществу для устройства срочнаго пароходства по рѣкамъ Амурскаго бассейна отпускаемое изъ казны съ 1871 года пособіе на перевозку казенныхъ грузовъ, въ размѣрѣ 135 тысячъ рублей, продолжено нынѣ еще на пять лѣтъ.

— Изъ Бирска въ „Русск. Кур.“ пишутъ: „Каждый день одно и то же явленіе: переселенцы и переселенцы; ѣдутъ они отовсюду: изъ тамбовской, курской и тульской губерній. Недавно проѣхала громадная партія переселенцевъ изъ тульской губерніи, направляющихся въ томскую губернію, гдѣ, по ихъ словамъ, ихніе родичи живутъ „оченно хорошо“.

— „Екатеринбургская Недѣля“ сообщаетъ, что въ городѣ Камышловѣ, Пермской губерніи, 12 іюня, послѣ литургіи, отслужено было молебствіе на мѣстѣ начала работъ Екатеринбургско-Тюменскаго участка Сибирской желѣзной дороги. По окончаніи молебствія было предложено инженерами-строителями дороги приступить къ работамъ, отвозя заранѣе вынутую на дорогѣ землю въ ближайшій оврагъ. Работаетъ до ста чело-

вѣкъ землекоповъ, подрядомъ съ кубической сажени, на своемъ содержаніи.

— По словамъ газеты „Эхо“, участь бывшаго интенданта г. Макшеева облегчена: ему разрѣшено возвратиться изъ ссылки въ Россію, но безъ возстановленія въ правахъ, которыхъ былъ онъ лишенъ по суду.

— Въ владивостокскомъ казначействѣ, казначей растратилъ около 36,000 р. и въ растратѣ сознался.

— Телеграммой изъ Вѣрнаго сообщаютъ: вслѣдствіе требованія нашего правительства о наказаніи китайцевъ за убіеніе, въ прошломъ году, нѣсколькихъ казаковъ, трупы которыхъ были сожжены ими, китайскій офицеръ доставилъ на пограничный постъ головы двухъ казненныхъ китайцевъ, причемъ просилъ вывѣсить эти головы на могилахъ убитыхъ. Получивъ отказъ въ этомъ, китайскій офицеръ распорядился повѣсить головы казненныхъ на телеграфныхъ столбахъ, на китайской сторонѣ Хоргоса.

— Томскъ, 10-го іюля. Ссыльный докторъ Корнатовскій, получившій Всемилостивѣйшее разрѣшеніе возвратиться въ Россію, въ ознаменованіе оказанной ему милости, пожертвовалъ сибирскому университету свою библіотеку медицинскихъ книгъ и книгъ общаго содержанія, всего 650 томовъ.

— Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ: На основаніи примѣчанія 1 къ ст. 79 прилож. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз., св. зак. т. XIV, по прод. 1876 года, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты подъ названіемъ: „Газета А. Гатцука“.

ОТКРЫТІЕ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ МИНУСИНСКОМЪ ОКРУГѢ.

Намъ сообщаютъ изъ Минусинска: 23-го мая, А. В. Адріановъ прибылъ изъ Томска въ Минусинскъ и, предъ отправленіемъ въ дальнѣйшій путь, для изслѣдованія Минусинскаго округа, занялся раскопками малоизслѣдованныхъ минусинскихъ кургановъ; работы молодого ученаго дали настолько хорошіе результаты, что, быть можетъ, въ самомъ недалекомъ будущемъ явится возможность не придерживаться болѣе г. Гмелина, пытавшагося классифицировать помянутые курганы; классификація Гмелина оставалась доселѣ единственною, за неимѣніемъ данныхъ установить другую теорію. До г. Адріанова, серьезными раскопками минусинскихъ кургановъ занимался только г. Радловъ, вскрывшій болѣе 100 кургановъ, но о его работахъ до сей поры не явилось въ печати ни одной строчки *).

Г. Адріановъ разрылъ шесть кургановъ, въ которыхъ нашелъ: 1) болѣе десяти череповъ; 2) нѣсколько экземпляровъ скелетовъ; 3) нѣсколько мѣдныхъ ножей и украшеній, а также костяныхъ и роговыхъ орудій; 4) коллекціи глиняныхъ сосудовъ; 5) наконецъ, гипсовыя маски, которыхъ до сихъ поръ еще никто не находилъ въ сибирскихъ курганахъ, а о нихъ носились слухи, исходившіе отъ могильщиковъ и запесенные въ печать Палласомъ; эти маски, по догадкамъ ламы Галсана Гомбоева, играли роль украшенія при буддійскихъ погребальныхъ обрядахъ.

Раскопки г. Адріанова, несомнѣнно, послѣ экспедиціи, будутъ опубликованы и сдѣлаются, такимъ образомъ, достояніемъ просвѣщенныхъ людей. Мы вкратцѣ только спѣшимъ подѣлиться съ людьми, интересующимися научными работами, первыми трудами г. Адріанова, судя по которымъ, можно предвѣщать хорошее будущее предпринятой имъ экспедиціи.

*) Частнымъ путемъ намъ извѣстно, что отчеты г. Радлова вошли въ составъ издаваемыхъ въ Казани «Трудовъ IV съѣзда археологовъ» и уже напечатаны, но выйдутъ въ свѣтъ по отпечатаніи всего тома. *Ред.*

15-го или 16-го іюня, г. Адріановъ и г. Клеменсъ отправляются изъ г. Минусинска въ дальнѣйшій путь; обратное возвращеніе ихъ будетъ не ранѣе августа текущаго года, и тогда мы постараемся, вкратцѣ, ознакомить читателей съ результатами, полученными отъ этой новой экспедиціи.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЛАДИВОСТОКЪ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ:

	На годъ.	На ½ года.	На 3 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. — к.	6 р.	3 р. 50 к.
Съ доставкою и пересылкою.	11 „ 50 „	7 „	4 „ — „

Плата за объявленія: на первой страницѣ по 30 коп. отъ мѣста, змнимаемаго строкою петита за каждый разъ, и на послѣдней—по 15 коп.

Подписка и объявленія принимаются во Владивостокѣ, въ конторѣ редакціи, при типографіи газеты.

Редакторъ-Издатель **Н. Соллогубъ.**

МЕЖЕВОЙ ВѢСТНИКЪ

СПЕЦІАЛЬНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Межеваго дѣла, геодезіи, кадастра и землевѣденія

ВЫХОДИТЪ ВЪ МОСКВѢ ЕЖЕМѢСЯЧНО КНИЖКАМИ ОТЪ 5 ДО 10 ЛИСТОВЪ.

Условія подписки на 1883 годъ:

Годовая цѣна 8 р. съ пересылкою и доставкою. Для служащихъ въ Межевомъ Вѣдомствѣ допускается разсрочка по третямъ года: къ 15 Декаоря 3 р., къ 15 Апрѣля 3 р., къ 15 Сентября 2 р.

Подписка принимается:

Въ С.-Петербургѣ:—въ Управленіи межевою частію, Малая Итальянская, домъ № 18, кв. № 15;—въ центральной конторѣ объявленій Л. Метцль, Невскій № 11;—въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Въ Москвѣ:—въ редакціи журнала, въ зданіи Межеваго Института. Старая Басманная, (**собственно для иногородныхъ**); — въ Управленіи Предсѣдателя Межевой канцеляріи, въ Кремлѣ, зданіе сената;—въ центральной конторѣ объявленій Л. Метцль, Петровка, домъ Солодовникова;—въ магазинѣ геодезич. и физич. инструментовъ Гг. Саль и Верньe, Кузнецкій мостъ.

Объявленія

по 20 коп. за полную строку петита

отъ магазиновъ книжныхъ, инструментальныхъ, писчебумажныхъ, рисовальныхъ и чертежныхъ принадлежностей и др. принимаются: въ конторахъ Л. Метцль и въ типографіи Г. Рисъ въ Москвѣ, Старая Басманная, домъ Мараева. Заграничныя объявленія поступаютъ **исключительно** черезъ центральную контору объявленій Л. Метцль, въ Москвѣ.

Редакторы-издатели: **Н. Юденичъ.**

Д. Жарковъ.

С.-Петербургъ. Типографія К. Д. Кесневича, Надеждинская, д. № 39. Редакторъ-Издатель Н. М. Ядринцевъ.